

*Из писем
Александры Ивановны Краузе (Доброхотовой)
1917 года*

Александра Ивановна (1884—1858) родилась в селе Вичуги Костромской губернии. Отец Шуры, учитель Кинешемского духовного училища, умер, когда ей было 9 лет. Семья была большая и дружная. В её письмах упоминаются три брата: Алексей (Лёля), Василий, Виктор и 5 сестёр: Ольга, Софья, Елизавета, Анастасия и Анна. По окончании Высших женских курсов в 1912 г. Александра Ивановна осталась в Москве, в качестве ассистента Морозовской детской больницы. Здесь она познакомилась с будущим мужем Фридрихом Оскаровичем Краузе (1887—1973), москвичом, тоже ассистентом, пришедшим в больницу несколько раньше. Напряжённая и интересная совместная работа, дружба, а затем и любовь сблизили их. В апреле 1916 г. влюбленные повенчались, а 16 января (ст.ст.) следующего года у них родилась дочь Ирина. Фридриху Оскаровичу удалось получить отпуск и присутствовать при ее рождении, но уже 27 января он был вынужден покинуть жену с новорожденной дочерью и возвратиться на фронт, в восточную Румынию (Пуфешти). В отличие от писем мужа, поглощенного происходившими в стране революционными и политическими событиями, письма Александры Ивановны этого времени — чисто женские, это, прежде всего, письма жены и матери.

28 января 1917 г.

Если бы ты только знал, мой дорогой, как стало пусто без тебя! <...> Не сразу полностью я ощутила тебя <...> в этот приезд, но зато никогда ещё не было так тяжело расставаться. Всё меньше и меньше остаётся во мне жизненной эластичности, и я сильнее и сильнее гнусь под тяжестью переживаний. Напрасно ты проповедуешь мне радость жизни вне тебя. Нет, милый, это невозможно. И радость, и страдание воплощаются в тебе и Иринке.

29 января 1917 г.

[*Гости отняли много времени*]. Заходила ещё сегодня Татьяна Мироновна¹. Она по-прежнему мила и проста, обещала как-нибудь просто зайти вечером.

¹ Акушер-гинеколог.

У меня она нашла всё благополучно, ходить и стоять мне всё ещё трудно. Надеюсь всё-таки через неделю выйти к о.Ивану, чтоб скорее закончить с крещением. Жду Веру Петровну, чтоб спросить её насчёт гонорара и т.п. <...>

Ты уже по расстоянию далеко от нас, но мы всё ещё живём твоим присутствием, твоим голосом, твоими выражениями. Так вот и ждём, что ты к нам пойдёшь и чем-нибудь ободришь.

Внешне жизнь течёт по-старому: Дуняша¹ ходит в очередь, возится с печкой и ахает, что всё очень дорого, но, по существу, не унывает: «А Вы всё плачете, — обращается она ко мне, видя мой унылый вид — ведь слезами всё равно не поможете». Фраза, которая у меня всегда вызывает улыбку. Мяса после твоего отъезда достать не удаётся, но мы питаемся хорошо разного рода кашками и молоком. Об этом не беспокойся.

30 января 1917 г.

[*Ал.Ив. начала чертить кривую роста дочери*]. Тебе пригодится, когда ты будешь изучать грудной возраст. День прошёл тихо, никого не было.

Прочла я статью Трубецкого. Захватило меня описание экскурсии в Афины, организованной им в 1903 году. И стоило это удовольствие всего 60 рублей... Всё это кажется сказкой. <...>

Ты попал сюда в более удачное время. Сейчас Москва погружена в тьму, скоро трамваи будут ходить до 7 часов вечера, и Соня [*она живёт с А.И.*] вынуждена будет оставаться у Лизы. Останемся мы одни с Пузыркой.

Нет, дальше некуда идти. Должен же быть мир.

31 января 1917 г.

Ну вот, почтальон снова главный фактор нашей жизни. Он принёс нам письмо от тебя, наш милый папа. ...Иринка тихо спит, положив одну лапочку на нос, а другую — возле угла рта. Скоро будем с ней купаться. Большую часть дня я провожу в её комнате, как-то спокойнее читать и писать возле неё. Утром я себя чувствую совсем сносно, а к вечеру устаю ещё, и основательно за дело ещё не могу взяться.

1 февраля 1917 г.

[*Приходила С.М.Голикова, коллега по лаборатории*]. Я предложила С.М. от лица лаборатории чем-нибудь отметить получение Прасковьи Васильевны [Циклинской] докторской степени. Она, конечно, с живостью за это ухватилась и хотела поговорить с Ник.Ив. Ланговым.

2 февраля 1917 г.

Сегодня заходили ко мне Елизавета Адриановна [Скосицкая] и Людмила Викторовна, рассказывали морозовские новости. Во-первых, болен директор, лежит уже две недели с высокой температурой. Боялись пневмонии, теперь, кажется, эта опасность миновала, но температура ещё держится. Ольга Ивановна перешла на чистую квартиру и сразу же встретила оппозицию со стороны Поповых. <...>

¹ Девушка из Вичуги, прислуга.

Наконец-то явилась в больницу Екатерина Владимировна Попперэль, так что Николай Иванович получил права и обязанности ординатора. Елизавета Адриановна возбуждена и резче обыкновенного, но всё-таки очень добра и внимательна.

Гости всё приятные, хотя и с ними я порядочно устаю. <...> Немного угнетает меня то обстоятельство, что я не чувствую в себе прибывающих сил: совсем почти не сплю — не хочется, и к вечеру чувствую сильнейшую слабость. <...> Жду телеграммы твоей о прибытии.

4 февраля 1917 г.

Сегодня имеем твоё письмо из Раздельной, а из Киева так и не получили. Хорошо, что ты встретился с Сергеем Михайловичем [Щастным]; будет удобнее искать вашу стоянку. Не совсем поняла причину прекращения отпусков. Что было бы со мной, если бы это прекращение захватило тебя?.. Прямо страшно подумать. <...>

Вчера была у нас Екатерина Ивановна. Пузырку одобрила, заинтересовалась моей кривой и просила потом непременно продемонстрировать её (кривую) в Обществе борьбы с детской смертностью. Часть книг, отобранных тобой, я передала в клинику. Екат.Ив. взяла с удовольствием.

6 февраля 1917 г.

Не писала тебе вчера. <...> Девочка моя заболела, и я не могла отойти от неё. Носик заложило, и понос. Она так жалобно кричала и всплёскивала передними лапками, что я не знала, что делать. Сегодня — спокойнее, но сейчас всхлипывает. Я попробовала взять её на руки — сейчас же замолчала и стала внимательно смотреть на свет. Очевидно, ребёнок не из-за каприза [плачет], а просто устаёт лежать в своей кроватке. <...>

А телеграммы от тебя всё нет, неужели ещё не доехал? Боже, как долго!

Холод у нас стоит ужасный, 25° при ветре. Приходится топить вовсю, а толку большого нет. Хорошо, что сегодня привезли дров из кооператива. Дуняша пропадает в очередях за хлебом. Хвосты ужасные благодаря мучному кризису. Без неё мы бы насиделись голодные. <...>

Забыла было обратить твоё внимание на фельетон Гребенщикова «Синяя птица». Прочти, милый, и напиши своё впечатление.

7 февраля 1917 г.

Иринка растёт, покрикивает, чем смущает мой покой. Всё думаешь, что кричит она от каких-нибудь болезненных ощущений. <...> Чувствую себя сносно, только голова часто болит. Сегодня собралась выйти, но пришла дама, с которой занимаюсь по-немецки. Начали читать Czerny.

Получила письмо из Риги. Мама пишет, что Лени лежит с субфебрильной температурой, и доктор нашёл у неё процесс в лёгких... Вот что, Ёжик. Её необходимо куда-нибудь весной или летом устроить. Я думаю, лучше всего — в санаторию. Здесь есть по Николаевской ж.д. санатория доктора Пупышева. Местность очень красивая, и обстановка весьма приличная. Можно её туда устроить месяца на два. Правда, там довольно дорого, но на один месяц хватит наших денег, а на второй поможет Вилли. Наконец, летом я буду сама служить, и думаю обойтись

жалованьем и квартирными, так что ты своё жалованье можешь послать ей. Напиши об этом матери.

Живём тихо, скромно; за последние дни у нас мало кто бывает. О мукé Коля [Гефтер] ещё ничего не сообщал, Дуняша пока ухитряется всё же доставать булки.

8 февраля 1917 г.

Газеты стали возмутительно неинтересны, будто ты исчерпал всё их содержание. Перед чем такое затишье?

А у нас всё отчаянные морозы, и такие же отчаянные очереди за хлебом. Иной раз мне становится совестно перед Дуняшей за её долготояние на морозе в то время, когда мы спим. Сегодня получила посылку от Оли [из Вичуги]. Она посылает разные материи Иринке на платья, салфетки, простыни, печенье и сухарей. Они, наверное, думают, что мы здесь голодаем. <...>

Живём тихонько-тихонько, масленицы не замечаем и гостей не принимаем.

В последнее время у нас нашествие мышей, на это все что-то жалуются. Очевидно, и мышам стало голодно, в складах ничего нет.

9 февраля 1917 г.

Какая радость! От тебя письмо из Унгены, и такое хорошее, хорошее. <...> Как ценно, что при оглядывании назад тебе становится светло и тепло. А у меня осталась некоторая горечь от сознания, что тебе слишком беспокойно, слишком неуютно было в этот приезд, когда тебе самому был так нужен покой. <...>

Мороз надоел отчаянно, ждём с нетерпением тепла, тем более что антрацит у нас на исходе, а мы перед купанием девочки всегда нагреваем эту комнату печкой; без антрацита холодно будет купать её.

10 февраля 1917 г.

Ну и ехал же ты, мой дорогой, целых 9 дней, измучился, наверное. Сегодня получила твою телеграмму от 5 февраля. Уж если телеграммы приходят на 6-й день, то разве можно ждать скоро писем. Слава Богу, что на месте, стало полегче на душе. <...>

Прямо жуть берёт заглянуть в будущее, особенно если впервые увидишь московский мрак и не достанешь хлеба. <...>

[Об Иринке...] Немножко меньше у меня стало молока; это меня очень огорчает. Питаемся мы, право, удовлетворительно. Правда, в последнее время не можем достать мяса, но зато каждый день у нас есть молоко.

С завтрашнего дня буду оставлять Пузырку с Соней, а сама буду ходить гулять. Теоретически мне было легко рассуждать: если ребёнок сыт и сух, мне делать нечего, пускай и покричит. А практически выходит не так: каждый крик отзывается болезненно, всё думаешь, не болит ли чего.

Прейер подвигается, читаю с удовольствием. Не менее интересен и Czegny. Его я читаю только со своей дамой.

Как ты нашёл своих товарищей? Какая разница в их и твоих настроениях? Как поживает Сергей Гаврилович? Как часто беспокоят вас воздушные гости? Отдал ли ты сапоги в починку? <...> Пиши обо всём, теперь детали мне будут понятны.

12 февраля 1917 г.

Я вчера не писала, — занялась шитьём на новой машине Иринке приданого. Приятно шить на ней. Спасибо тебе, родной.

Ирина в последние два дня значительно покойнее. Она уже 4 недели живёт на белом свете. Скоро придётся теребить Ивана Михайловича, чтоб он снял её. Тяжёл он на подъём, долго не соберётся.

С каждый днём всё тяжелее и тяжелее доставать хлеб. Что дальше будет, не знаю. Написала Оле, чтоб она, если поедет, хоть немного привезла ржаной муки, будем дома печь ржаной [хлеб]. В очередях сильное озлобление против солдат, которые, пользуясь правом покупать вне очереди, тоже на этом спекулируют. Везде и всюду одно и то же.

Холод тоже не прекращается. Божье наказание, да и только... <...>

Получила письмо от Васи, Поздравляет с дочерью, но высказывает сожаление, что я надолго, наверно, устранилась от общественной (врачебной) деятельности.

Нет, Ёжик, ты не сомневайся, я всё-таки изо всех сил буду стараться соединить в себе два эти трудно совместимые начала: семью и работу. Ведь и сейчас, сидя дома, я стараюсь использовать каждый свободный час: то пошью, то почитаю, а через 2 недели пойду в больницу к Алексееву насчёт летней работы. Вот в чём я ограничу себя, правда, без особого ущерба — это в хождении по знакомым.

Как ты поживаешь в Румынии? Как настроение? Ведь там, наверное, весна теперь? Как Екатерина Константиновна отнеслась к учебникам, думает ли готовиться к аттестату зрелости? Будь здоров. Привет товарищам.

16 февраля 1917 г.

Вчера ужасно устала, были целый день гости. Во время обеда пришёл Иван Мих. снимать Иринку. Я её вынесла в нашу приёмную и положила на грудку подушек. Уж не знаю, как её удалось снять.

Только проводила его, как пришла заведующая приютом поделиться своим смущением по поводу новых экспериментов над ребятишками дамы-патронессы. Она хочет, чтобы все эти малыши всё делали сами: и готовили, и гладили, и в комнатах убирались. Приглашена дама-педагогичка проводить эти начинания, причём началось с того, что этой даме отведена лучшая комната в ущерб детям. Посмотрим, что из этого получится.

17 февраля 1917 г.

В воскресенье будут крестины Пузырки. Священник отказался записать в восприемники лиц неправославного вероисповедания, так что я должна записать своих Соню и Витю, но я написала Вилли [*старшему брату Фр.Оск.*], что буду очень рада, если он придёт на крестины и будет ближайшим восприемником Иринки, назначив для него подходящий день. <...>

Хлеб доставать с каждым днём труднее. Дуняша простаивает с 5½ до 10 ч. утра и приходит совсем разогорчённая и продрогшая. А на меня едун напал, видно, на двоих нужно больше. Несмотря на то, что хронически недосыпаю, я всё-таки чувствую себя лучше в смысле духовном: больше потребности читать,

работать. С удовольствием читаю Czegny. Любопытно, что он у некоторых детей рекомендует ... телесные наказания. Читаю [по-немецки] со своей дамой, а какое бы наслаждение читать с тобой!

18 февраля 1917 г.

Наконец-то я получила, милый мой, твои письма (5,7 и 8; 6-го нет) из далёкой Румынии. Прочла и почувствовала себя совсем уничтоженной, пристыженной. <...> Сегодня после чтения твоих писем я как-то сразу глубоко осознала всю тяжесть вашего положения, и заметалась от сознания своей нечуткости. Да, у нас тепло и уютно внешне, и мечтать можно... <...>

В Думе опять раздаются речи о Константинополе. Как созданы головы этих господ?

Ты пишешь о возможных перемещениях в вашей врачебной корпорации. Господи, я готова снова молиться со слезами, как во времена детства, чтоб это перемещение коснулось и тебя. Подайте и вы с Сергеем Гавриловичем [*Матвеевым*] рапорты о перемещении¹. Ведь здесь непочатый угол врачей, не нюхавших фронта. <...>

Вилли ответил, что приедет на крестины с удовольствием. Завтра напишу подробно о нашем торжестве. Даже пирог испечём. Настя Разорёнова пожертвовала муки для Ирины.

19 февраля 1917 г.

Пришлось письмо прекратить и заняться приготовлениями к крещению, а потом пришла Лиза, Зинаида Степановна и Вилли. Последний и был восприемником: священник почему-то изменил своё решение и решил записать его. Вилли много занимался Пузыркой, нашёл её хорошенькой. <...> Он первый раз на крестинах, и ему, видимо, было весело. К сожалению, он очень торопился на поезд и сейчас же после крещения уехал. Прощаясь, просил обращаться к нему, если у меня будут какие-нибудь затруднения. Пропуск в Ригу он до сих пор ещё не получил.

Пузырка вела себя хорошо и немного только всплакнула. Зато потом изрядно поплакала, очевидно, вся эта процедура поутомила её. Имениница она будет 5 мая, ведь и ты хотел, чтоб именины были весной.

Я очень довольна, что всё это уже совершилось. Дуняше ради такого торжества подарила на кофточку за Ириночку. Ведь она теперь стирает каждый Божий день на неё. <...>

Зинаида Степановна сидела долго, рассказывала про костромскую жизнь; веселятся и пьют там напропалую, точно все с ума посходили. Не понимаю я, как это возможно.

20 февраля 1917 г.

Сегодня вышла погулять и зашла в Морозовку справиться, выходит ли директор. Оказывается, надо сейчас затевать разговор о замещительстве, так как он начал подыскивать среди экстернов. Поговорила с Ольгой Ивановной о боль-

¹ Речь идёт о замене фронтовых врачей тыловыми и наоборот.

ных, и так-то потянуло опять к медицинской работе. С большим интересом пойду в понедельник в Карзинкинское [*отделение*]; теперь ещё больше интерес к грудным детям. Буду всё сравнивать с Пузыркой.

Она теперь весит больше 10 фунтов. И записи в кривую пока веду аккуратно; особенно интересует меня последняя. В кривую входят следующие данные:

- сколько каждый раз высосет молока,
- сколько высосет за сутки
- сколько помочится или сходит и
- сколько ежедневно прибавляет в весе.

Теперь она получает всего около 4 стаканов, а мочится 15 раз. Прибывает в весе ежедневно на 20—25 граммов. <...>

С каким большим удовольствием продолжаю читать Черни. Много нового и интересного. Жаль, что этой книги нет на русском языке.

Настроение здесь самое тревожное. Вчера на Калужской разгромили булочную Ратникова. Только и разговор — о хлебе. Все врачи из Морозовской больницы идут с сумочками с хлебом.

С грустью думаю, как я устроюсь на той неделе: Дуняша из очереди приходит только в одиннадцатом часу. С кем же могу оставить девочку, чтоб пойти в больницу?

Сегодня написала большое письмо в Ригу. Вилли не теряет надежды получить пропуск.

22 февраля 1917 г.

Беда у нас. Дуняша расклеилась: похудела, жалуется на ежедневную головную боль; очевидно, тоже инфлюэнца. Я хотела пойти к соседке попросить хлеба, чтоб ей не стоять в очереди завтра — не хочет и слушать. Сегодня ей опять пришлось идти за дровами. Так вот время и проходит у нас в очередях. <...> Живём, Ёжичка, скромно, а деньги так и плывут, прямо беда.

Вилли в этот раз говорил, что Карлуше недостаточно теперь 100 рублей в месяц, и он ему сделает прибавку. Хороший Вилли! С каждым разом чувствую себя с ним проще.

23 февраля 1917 г.

Сегодня мне приют мальчиков преподнёс сюрприз: там свинка и ветряная оспа. Два года не было никаких инфекций, а как появилась Иринка, так и пошла эта прелесть. Придя домой, я приняла все меры предосторожности: платье сняла в передней, вымылась основательно и считаю, что этого вполне достаточно.

Вообще же вся эта история неприятна. Там теперь новая заведующая. Ребята сидят за столом и рисуют. Четверо из них с бантиками на груди — дежурные по спальне и столовой. Занятно смотреть, как они с серьёзным видом моют посуду. Новая заведующая производит симпатичное впечатление.

Сегодня получила повестку на посылку из Риги. Неприятна только пометка на ней: «посылка получена неисправная, доставке на дом не подлежит». Получили сегодня ещё багажную квитанцию от Оли. Она посылает ржаной муки; будем печь чёрный хлеб дома, а то я боюсь, что, стоя в очередях, Дуняша совсем расхворается.

25 февраля 1917 г.

В последнее время чувствую к газетам полное отвращение и насильно заставляю себя просмотреть заголовки. «Душа не принимает», как говорится.

27 февраля 1917 г.

Всё ещё плохо себя чувствую, шумит в ушах, голова болит, и устаю вечером ужасно.

Сегодня в первый раз была в Карзинкинском отделении, оставив Пузырку с Дуняшей. Была там с удовольствием; всё сравнивала ребятшек с Иринкой. <...> Знаешь, мне придётся отступить от своей строгости — не брать на руки. Она успокаивается и засыпает. Вот я и думаю, стоит ли её выдерживать? Ведь, очевидно, это физиологическая потребность изменить положение. <...> В Карзинкинском отделении я увидела ту же картину: ребёнок плачет, и мать берёт его на руки (это разрешается).

28 февраля 1917 г.

[Узнала о переводе Сергея Николаевича Щастного, армейского коллеги Фр.Оск., в Одессу, в штаб фронта]. Дуняша пришла около 11-ти, я побежала к директору. Он мне сказал, что имел меня в виду, даже хотел вызвать по поводу летнего замещения. Я ему высказала желание работать в общей амбулатории, на что он ответил, что он так именно и думал.

От Александра Станисл. [Лянды] узнала массу слухов о петроградских событиях. Здесь в это время перестали ходить трамваи, газеты тоже не вышли.

Возвратилась домой взвинченная, ни за что не хочется взяться. Сажу возле Иринки, а у самой слёзы на глазах. В такие минуты так хочется к тебе, а ты так далеко отсюда. <...> В душе холод, даже не могла выкупать Иринку.

1 марта 1917 г.

Ну, мой милый Ёжик, уж не знаю, с чего и начинать тебе писать. В голове какой-то сумбур от сегодняшних впечатлений и новостей. Ещё сегодня утром ничего не было известно, все делились друг с другом слухами. В 12 часов дня появились «бюллетени революции» с воззванием от временного революционного комитета к рабочим и солдатам с кратким перечнем текущих событий... Перечислялось там, какие полки солдат с народом, указывалось, что из Крестов и тюрем освобождены политические, арестованы министры, но как шли и развёртывались события, неизвестно. Хотелось мне очень достать такой бюллетень, но, к сожалению, не удалось.

На улицах тьма народу, все оживлены, читают бюллетени, разговаривают, приветствуют военные автомобили с красными флагами... Конечно, немало в этой толпе подростков и мальчишек, которых занимает только внешняя сторона. Много нелепого говорится в толпе, но сожаления по поводу старой власти не услышишь. В нашей городской Думе тоже заседает временный комитет, солдаты направляются туда. Говорят о войсках, запершихся в Кремле. Впрочем, к вечеру

стало известно, что они тоже присоединились к народу, что Мразовский¹ арестован и т. д. и т. д.

Мы с Соней поочерёдно бегаем на улицу, так как дома сидеть трудно. Идя по улице, глядя на это общее оживление, я непрестанно думала о вас, так далеко отброшенных в этот интересный момент. Нет, Ёжик, я всё больше и больше понимаю, как вам тяжело. И ещё одно понимаю: какие бы интересные и захватывающие минуты я ни переживала, я не могу не думать о тебе...

Что будет завтра? Вероятно, газеты выйдут, и вы будете в курсе дела.

Получила сегодня две твоих открытки. Удивительно они хорошие. А какая нарядная комната вышла. Одного простить не могу, почему ты не снялся вместе с нами? Тогда бы получился полный семейный уют. А какая Пузырка маленькая, маленькая.

Вот на посланной тебе карточке ты увидишь, как она выросла, и какие стали осмысленные глазёнки. Умница она у меня, поплачет-поплачет, что не берут на руки, и с горя засыпает. Купаться очень любит и не плачет даже по время одевания. Вот гулять скоро надо будет выносить, а у меня нет туалета для неё. До одного важного события Ирина дождалась, теперь бы скорее другое — мир... Целую, мой милый.

2 марта 1917 г. [День отречения императора Николая II]

Если бы ты только знал, как хочется <...> вместе переживать настоящие события. Тяжело мне без тебя, ох, как тяжело, особенно при мысли, что вы сидите там в Румынии, оторванные от всего.

О событиях не буду писать, ты скорее письма газеты получишь. Скажу только, что когда видишь на улице солдат с красным бантом, стройно поющих необыкновенные солдатские песни, то испытываешь во всём теле ползание мурашек... Как всё быстро произошло. Ещё так недавно никто ни на что не надеялся. Теперь я верю, что так же быстро и неожиданно кончится война.

Чудная и непонятная страна Россия... И тебя в такие минуты нет со мной. А Пузырка такая же глупенькая, даже улыбаться как следует не умеет, вертит только головёшкой да облизывается, когда я её беру кормить. А ей будет лучше жить, чем нам. Вот уже в самом начале жизни политическую свободу получила. <...>

Была в больнице, но сейчас больные, как в тумане, все разговоры — о текущих событиях.

Соня целый день где-то бегает, Дуняша тоже всем очень интересуется и всё просит разъяснить ей. Все газеты и бюллетени собирается послать в деревню.

Получила сегодня от тебя два письма: от 16 и 17 февраля вместе со снимками. Портретом Пузырки я очень довольна, а своим — не особенно, уж очень я страшна там. А интересно будет потом собрать и пересматривать все фамильные снимки.

Ты хорошо надумал: изложить свои переживания и впечатления румынские на бумаге; с каким интересом мы будем читать потом вместе. <...>

Холод ещё стоит, а антрацит уже иссяк; придётся Пузырке немножко помёрзнуть при купании. Ты спрашиваешь, как я себя чувствую. Физически слабее, чем во время беременности, и вид мой гораздо хуже, чем прежде, но энергии больше.

¹ Мразовский И.И. — генерал, командующий войсками Московского военного округа.

4 марта 1917 г.

Все расклеились. Пузырка чихает и кашляет, я вторую ночь не сплю тоже от ужасного кашля (помнишь, как в Березье), со рвотой. <...>

В доме холодище, антрацит весь кончился, а дровами топим, топим, всё толку нет. И когда я вижу Пузырку, посиневшую, с холодными, как лёд ручонками, беру на руки, чтоб закутать её с ручонками и согреть, и сижу с ней в каком-то оцепенении. Когда будет тепло? На улице 4 марта — 15°.

5 марта 1917 г.

Интересно скорее получить от тебя письмо с ответом на последние события.

Всё-таки, по моему мнению, мы приближаемся к миру. Хотя Милюков и имеет большие аппетиты насчёт Константинополя, всё же он не может особенно развернуться в силу совершенно противоположных взглядов социалистов. Вот на них-то я и возлагаю большие надежды. Какое это будет торжество — мир. Можно совсем обезуметь от радости. Ведь только тогда действительно может начаться постоянная работа свободного народа.

А мы ещё всё празднуем: ни трамваи не ходят, ни фабрики не работают. Такова уж натура русского человека — всё в большом масштабе.

7 марта 1917 г.

Кругом всё шумит, бурлит, волнуется, а мы с Пузыркой сидим дома, читаем газеты и слушаем новости, принесённые кем-нибудь из гостей. <...>

Сегодня была у нас Елизавета Адриановна, и очень кстати. Вчера я слышала от Николая Ивановича, что исчез пристав, снимающий квартиру в доме Чесалова, под ними. У меня сейчас же промелькнула мысль, не освободится ли эта квартира? Вот я и поручила Елиз.Адр. быть на страже моих интересов. Хорошо бы там снять квартиру. Наша мне стала совсем невтерпеж: топить топим, — всё холодище! Весна политическая испугала весну природы: продолжают стоять морозы в —14—15°С. Возмутительно!

8 марта 1917 г.

Период гостей. Сегодня неожиданно явился знакомый — артиллерист с румынского фронта. Его впечатление от этих наших союзников [румын] такое же, как твоё. Напугал он меня известием, что «союзники» отказываются доставлять нашу почту. <...>

Меня последние дни радостно волнуют слухи о возможности обмена врачей: тыловиков — на фронт, а вы — в тыл. А вам, в свою очередь, тоже бы следовало подать рапорт об усталости.

10 марта 1917 г.

У меня появилась надежда скоро видеть тебя. На 5-е апреля назначен Пироговский съезд. Если при старом правительстве возможно было командировать врачей с фронта, то теперь это ещё более вероятно. Эпидемические болезни всегда были предметом Пироговского съезда, и тебе, как санитарному врачу, необходимо присутствовать при этом съезде. За тебя может остаться Катович. Скажи, что это возможно...<...>

Вчера была в бактериологической лаборатории на 1 час. Дело в том, что Совет профессоров единогласно присудил Прасковье Васильевне докторскую степень [honoris causa], и мы вчера её поздравили и преподнесли цветы. Она была очень мила и сияла от удовольствия. Разговор коснулся будущего года. Она опять повторила, что, вероятно, вопрос о третьем ассистенте пройдет положительно, и она будет иметь меня в виду. На вопрос мой, может быть, это неудобно перед теперешней третьей ассистенткой, она заявила, что она пригласила её только до апреля. Таким образом, много шансов за то, что я устроюсь у неё ассистенткой и буду обеспечена на 1400 рублей в год (800 от курса и 600 от приютов). Конечно, этого недостаточно, но, может быть, ещё что-нибудь ещё получу.

А деньги идут, идут, идут... Право, Ёжик, живу больше, чем скромно, стол веду самый простой, а между тем уже из кассы вытащила 100 рублей и заняла ещё 50. Квартира пожирает много. Она теперь мне обходится вместе с дровами около 150 рублей. Сделала себе ещё простенькую юбку с кофточкой — вот и всё. Беда просто.

Завтра еду в управу — подавать прошение о замещительстве в вечерней городской амбулатории. Если мне удастся получить это место, то будет очень трудно всё совмещать, но этот шаг необходим для будущего: без замещительства нельзя рассчитывать на постоянное место, да и заработок нужен. Вспомни, сколько мы прожили за один месяц! Ведь если и останется в кассе 300—400 рублей, я их моментально поизрасходую при переезде на новую квартиру. А без определённых денег будет тяжело, так как на аккуратность румынской почты рассчитывать нельзя.

Няней я думаю сделать Дуняшу, а прислугой пригласить её сестру из Вичуги. Вместе они будут работать дружно. А теперь Дуняша прямо изнемогает от стирки. Как ни хочется мне совместить работу и уход за Пузыркой, всё-таки я не в силах, и после трёх месяцев придётся передать её няне.

11 марта 1917 г.

[*После безуспешной поездки в управу и необходимых покупок в городе...*] Опять осталась без денег. Придётся царапать из кассы. Проклятые деньги! <...> Ты хочешь послать 400 р. в Ригу, не сомневаясь, что я одобрю. Само собой разумеется, ведь я об этом тебе первая писала. До мая только ведь придётся поцарапывать из кассы, а потом я буду сама получать. Да и расход сократится, не будет столько идти на дрова.

Напиши, на чьё имя мне адресовать заявление в Киев, чтоб получить 200 рублей. Ведь ты знаешь, что я могу сокращать свои требования, так что не стесняясь, располагай деньгами как знаешь. А уж на такую цель, как здоровье Лени, можно многим пожертвовать.

12 марта 1917 г.

[*Почти всё письмо — о дочери*]. Что бы сказала Екатерина Ив. [Иванова], когда бы прочла это письмо? В такое время великих политических событий я всё письмо посвящаю Пузырке. Но, милый, о всех событиях общественной жизни ты узнаешь из газет. Непосредственных впечатлений от толпы и митингов у меня нет, так как я, кроме Карзинкинского отделения, никуда не хожу. Правда, рас-

сказывал сегодня Витя [*приехавший с Рижского фронта*] много интересного, но всё это больше касается фронтовой жизни.

13 марта 1917 г.

Даже не верится, что кончились морозы, второй день довольно тепло. Правда, не тает ещё, но мы теперь скромны в своих желаниях. Теплее стало и в комнатах, ведь наша «горенка с Богом не спорит». Скорее, скорее бы весна, лето и осень. Ведь дольше осени война невозможна...

15 марта 1917 г.

Вилли в понедельник едет в Ригу до 5 апреля. Фабрика их стоит больше двух недель из-за отсутствия топлива. <...> При этом зашёл Витя, и они с ним вели оживлённый разговор.

[*Сестра Лени из Риги протестует против присыла денег и против са-натория*]. Лучше было бы, если бы ты сразу послал деньги без предварительного предупреждения. Проклятые деньги. Они меня тоже начинают беспокоить. Ой, как хочется чувствовать материальную независимость, даже от тебя. Я Лени понимаю, а потому постараюсь написать ей ещё раз, чтоб она не думала, что мы ради неё стесним себя.

16 марта 1917 г.

Сегодня исполняется 2 месяца нашей Пузырке, и какая большая перемена в ней за это время! <...>

Не понимаю, почему наша интеллигенция шипит на левых? Чем плохо составлено опубликованное в сегодняшней газете воззвание С.-Д. [*социал-демократов*] к пролетариям всех стран? Я надеюсь, что они больше, чем кто-либо подвинут условия мира. А Керенский, по моему мнению, прямо герой, не живёт — горит... Витя рассказывает, что только благодаря Керенскому миновали многие опасные минуты недоверия рабочих к нынешнему составу министерств. Витя рассказывал, что прежде всего они узнали о событиях от немцев: они кричали, что у нас революция и с аэроплана бросали бумажки с вопросом: где у вас Николай? и т. д.

17 марта 1917 г.

Сегодня я, как загнанная лошадь: бегала, бегала, насилу возвратилась во-время домой, и то уже не разбирала, где грязь, где лужи. Пошла по обыкновению в больницу, там мне передали письмо от Веры Петровны [*Скворцовой*] и телефон приюта. [*Это был вызов к мальчику с инфлюэнцей*].

В приюте довольно любопытно. Помнишь, я писала тебе, что скоро приедет к ним новая воспитательница. Она оказалась дамой симпатичной, и ребята её слушаются. Показывала мне рисунки всех детей. Есть очень занятные. <...>

Встретила сегодня директора. Спрашивал, где ты, и как растёт дочка. Я просияла от удовольствия. Я, как и все мамы, наверное, за одно участие в нашей девочке готова простить всё на свете. Спрашивал, где мне больше улыбается работать: в Карзинкинском отделении или в общей амбулатории. Я сказала, что в общей. Слишком будет тяжело чувствовать своё бессилие при тяжёлых летних

интоксикациях у грудных детей. Немножко только щемит, что Пузырке придётся всё лето дышать пыльным воздухом Москвы. Эх, деньги проклятые!

Ты, наверно, удивляешься, что в последнее время я им уделяю много внимания. Что же поделаешь, если видишь воочию, как они неудержимо текут. А впереди переезд!

18 марта 1917 г.

Опять нет письма от тебя, настроение портится, как зимняя дорога. Злюсь на всех и вся: на очереди, на грязь в квартире, на свою усталость.

Принялась наклеивать фотографии в альбом и всё испортила. У меня нет навыка, в данный момент нет покоя и syndebicon отвратительный. Ты уж меня прости, пожалуйста... Этот альбом будет мой, а себе и Пузырке (мы ей подарим, когда она станет большая) ты уже аккуратно сделаешь сам. Я попрошу у Ив.Мих. негативы, а ты в любой свободный момент можешь напечатать. Этим только я и утешаюсь.

<...> Она весит больше 12 фунтов. Звонок — кто-то идёт?

... Знаешь, чей это был звонок? Вера Михайловна [Овчинникова] приехала из [Великих] Лук на три дня, и в первый же день пришла ко мне. Очень занята Медопом, где она служит. Ей дали отпуск только на 5 мес. [?], и теперь она возвращается туда. После её отъезда все перессорились, так что она сейчас едет всех мирить и умиротворять. Девочек потом возьмёт к себе.

21 марта 1917 г.

Наконец-то я дождалась от тебя отклика на последние события. Глубокая радость охватила меня... от полного тождества наших мыслей и чувств. При громадной разнице положений и обстановки, разделённые тысячами вёрст, соединены одинаковыми чувствами и почти одинаковыми взглядами.

Теперь и у меня есть надежда на близость мира, особенно после речи Бетман-Гольвега¹ и обмене мнений между нашими и германскими социалистами. Лето бы только прожить.

День моего рождения прошёл довольно тускло. Не было даже обычных в этот день цветов. <...> Вечером заехал Ник.Ник. Вильям (не по поводу дня рождения) и Вера Михайловна. Я ему представила нового члена семьи, он одобрил и сказал, что она — Краузерского рода, даже и нос. Сидел довольно порядочно.

Взгляды на будущее у него не особенно светлые. Боится аграрных беспорядков, контрреволюции, но всё же он значительно бодрее выглядит, чем раньше. Не хочет голосовать больше за КД, скорее склонен за социалистов, если будет знать их кандидатов.

Вера Михайловна сидела до поздней ночи. Как она привязалась и заинтересовалась своей службой в Медопе совсем, совсем другое отношение, чем в Морозовской больнице. И ей доставляет большое удовольствие рассказывать мне обо всех сослуживцах. Я теперь хорошо их знаю, большую часть времени (она была 3 дня) она отдала мне. <...>

¹ Теобальд фон Бетман-Гольвег — министр-президент Пруссии в 1917 году.

25 марта 1917 г.

В сегодняшнем твоём письме, дорогой, сквозит обида, что во мне слишком сильна женщина в ущерб гражданке. Не могу, милый, полностью ощутить радость свободы через слишком густой туман горя войны. Не мирюсь, милый, с тем положением, что в свободной стране, так нуждающейся в культурной созидательной работе, опять будет тратиться вся энергия, вся сила для производства средств разрушения.

Только тогда, когда будет заключён мир, я в состоянии буду ощущать радость, подъём для работы в действительно свободной духом стране. И я думаю, что тебе будет понятно, что лозунги социалистов близки моему мировоззрению. Что бы мне ни говорили, что бы ни писали о взятии немцами Петрограда и даже Москвы (вчера в «Русских Ведомостях»), я не верю, я в данном вопросе оптимистка. Я слишком верю в верность социалистическим лозунгам немецкой социал-демократии, чтоб допустить такую завоевательную политику и восстановление самодержавного строя у нас.

Я не могу понять, почему так шипят наши прогрессисты на с.-д., разве не справедливо их требование конгресса мира? Пускай все выскажутся, что нужно для ликвидации мирового погрома. Меня интересует, наконец, что разумеют сторонники войны под лозунгом «война до полной победы»; хоть бы раз облекли этот лозунг в реальную конкретную форму.... А уж выступление Америки совсем странно. Может быть, и прав Жаботинский в своём фельетоне «Разговор с американцем» (м.б. и не такое название, хорошо не помню). А затем, Ёжик, не забывай, что я сейчас прежде всего должна выполнять обязанности матери. И, следовательно, устранена от участия в общественной работе. Мудрено ли после этого, что во мне остаётся много, много женщины..., а не гражданки. <...>

Я не буду говорить о том, насколько это легко или трудно, я только хочу снять с себя этот твой невольный упрёк в последнем письме. За тебя я очень рада, что общественные события захватили тебя настолько, что забылась серая, полная лишений румынская жизнь. Теперь и работа для тебя найдётся.

Был Витя. Бегает по собраниям, по товарищам. Устал, похудел, нервничает. «Никогда, — говорит, — ещё не было такого нежелания ехать на фронт, как сейчас». Проклятая война! Дождусь ли я конца её.

26 марта 1917 г.

Верная, верная пословица «не имей сто рублей, а имей сто друзей». Вчера забежала к М.Ф. Моргуновой поздравить с днём рождения (кстати, о моём дне рождения ты, кажется, опять забыл?), и она меня так трогательно просила обращаться к ней за деньгами, если мне будет нужно, что я пошла от неё сияющая. Ведь, право, приятно чувствовать, что есть люди, к которым можно обратиться в тяжёлые минуты.

Там зашёл разговор на политические темы: был в гостях культурный купчик. Наша буржуазия теперь порядком стухнула, и видит всё в мрачном свете. А я на этот раз неисправимая оптимистка. Конечно, будут крайности, неприятности, но ведь нельзя же начать новую жизнь без ошибок. Постоянно слышишь возмущение в интеллигентных кругах, что теперь нет никакой возможности ездить на трамваях, всюду солдаты и т. д. А меня так умиляют эти солдаты. Стоишь, ждёшь

трамвая. Придёт он, как теперь поётся, «бешеный, кругом обвешанный», посмотришь с грустью, не рискуя садиться. Солдатик выручает: «садитесь, садитесь». Сам сойдёт с подножки, тебя подсадит и сзади служит подпоркой. Дважды меня так выручали.

Нравится мне сейчас и настроение публики в трамвае. Бывало, стоят и сидят все злые, угрюмые, только ругаются. А теперь — своего рода клуб в трамвае. Чего-чего только не наслушаешься. Сегодня было обсуждение поражения на Стоходе. Публика недоумевала, почему «раньше все говорили об измене, о недостатке снарядов, а теперь всё есть, а всё-таки нас бьют». Интересное время. Жаль только что мне мало приходится толкаться в толпе.

С тяжёлым чувством проводили Витю, он ужасно нервничал, так хотелось [ему] остаться в Москве и заниматься общественной работой.

27 марта 1917 г.

Получила твоё письмо от 16 марта, где ты сообщаешь о смерти В[ышемирского]¹. Вполне присоединяюсь к твоему сожалению... Ведь мир не за горами.

[Побывала в бактериологической лаборатории у П.В. Циклинской.] Было там очень мило: кабинет у неё уютный, чай со сливками и конфетами очень вкусный. Поговорили о текущем моменте. Она смотрит на будущее довольно бодро, хотя и сильно огорчена неудачей на Стоходе.

Её ближайшая помощница получила приглашение на место в качестве бактериолога на 500 рублей в месяц при полном содержании. Вот и мне пришла в голову мысль: зиму я позанимаюсь бактериологией, а летом оставлю Ириночку с тобой, а сама поеду наживать деньги.

Тебе, милый, может быть, покажутся странными мои заботы о деньгах, но ты их поймёшь, когда будешь участвовать в ведении хозяйства.

Вот Пасха подходит, само собой, что я встречу её самым наискромным образом, и всё-таки уйдёт масса денег на чай, подарки и т. д. Хожу без калош, в рваных башмаках, и страшно подумать о покупке: и в смысле денег, и в смысле времени. Ведь теперь длинные очереди за обувью. А сколько бы нужно денег, чтоб прилично одеться. Тяжко жить...

Получила письмо от Ани; бедняжка совсем голодает: ни хлеба, ни денег; и не хочет ехать сюда на Пасху. Пошлю ей 25 руб., может быть, соблазнится приехать. Мне бы очень интересно её повидать и послушать подробный отчёт о Петроградских событиях.

Ты спрашиваешь, как смотрят на будущее товарищи? Дамы, по-видимому, под влиянием Колли, язвят по поводу демократизации, так что даже вызывают неудовольствие со стороны таких спокойных элементов, как Иван Михайлович [Струженский]. Владимир Александрович [Колли] уже вовсе шипит на левых и неустанно проповедует, сидя в Москве, войну стойкую и длительную. Елизавета Адриановна [Скосицкая] по дням — то монархистка, то республиканка. Николай Иванович [Скворцов], со свойственной ему беспристрастностью взвешивает и плохое и хорошее данного момента. Вообще, с морозовцами малоинтересно

¹ Старик корпусной врач, недавно только ушедший на повышение.

говорить о революции; их как-то мало всколыхнула она. Впрочем, недавно было предъявлено директору требование убрать экономку.

29 марта 1917 г.

С каждым днём она [Иринка] требует всё больше и больше внимания. За целый день я только успеваю с трудом прочесть газету и написать тебе письмо. И делаю это почти в тумане, так как ужасно устаю. Чувствую, что не хватит скоро сил у меня заниматься в больнице, бегать в приют и всецело вести уход за ней. А передать её страшно. Весь мир кажется наполненным бактериями, которые при малейшей оплошности готовы ринуться на Иринку.

Вот думала передать её Дуняше; оказывается, её сестру не отпускают сюда родители. А вводить нового человека в дом так страшно. <...>

Во вчерашних «Русских Ведомостях» на первой странице был помещён отчёт о съезде партии Народной свободы. Я не отрицаю, что в составе этой партии крупные интеллигентные силы, но не люблю я её за гибкость их партийных лозунгов, за самовлюблённость и упивание своим красноречием. Подумаешь, вся Россия держится на Родичеве. И их империализм меня тоже возмущает. Противоречие на съезде определённое. Решение в духе империализма, а Временное правительство сильнее всего представленное этими элементами, отказывается от всяких аннексий и т. д. Не без давления, видимо, Советов рабочих депутатов. Мятежный во мне дух сидит: и ошибки, и искания, и, наконец, прямолинейность левых партий мне гораздо ближе и понятнее, чем «безошибочность» и выдержанность «республиканско-демократической» партии. Свой голос на выборах я подаю за социалистов.

[Отдельный листок; не датирован.]

В Морозовке делается что-то нехорошее: Алексееву трудно изменить свой характер и ограничить своё полномочие. Он до сих пор ещё не устроил общего собрания всех служащих, несмотря на усиленный, якобы, совет Владимира Александровича [Колли]. В результате образуется пропасть между низшими и высшими служащими: последние организуются, выставляют ряд требований, вроде увольнения экономки, фельдшерниц и т. д., а врачи чувствуют полную растерянность. Будь примирительная камера или, наконец, будь общие собрания, тогда бы атмосфера разрядилась, и всё было бы по-хорошему, как во Владимирской больнице.

Ассистенты уныло бродят и сетуют, что у них нет никого, кто бы их наставил и поправил. Жалеют, что нет тебя, Сергея Николаевича, Алексея Сергеевича [Молодёнкова]. Действительно, у них нет общественных деятелей, даже некого выбрать в делегаты.

30 марта 1917 г.

Сегодня Иринка встала весёлая, и вместе с нею просветлела и я. Она только заразилась духом свободы и кричит: «Долой пелёнки!» Как ещё тщательно ни завёртываешь, она всё сойдёт, такая шустрая девочка. <...>

Сегодня купила ей большое красное яйцо и повесила над её головой. Она пристально смотрела, радовалась и выделявала своим ротиком всевозможные

гримасы, издавая при этом разные звуки. Уже 2½ месяца! — ты теперь совсем её не узнаешь, она уже требует вертикального положения и сознательно протестует против одиночного заключения в кровати. <...>

Сегодня, уж ты прости, разговаривает с тобой только мать и жена, а не гражданка. [Послала в Ригу фото девочки бабушке и Эдит]. Пусть тоже знают и чувствуют, что мы их любим и помним.

Погода у нас теперь тёплая, хотя приходится ещё топить печь: мыть Иринку в холодной и сырой комнате не хочется. Праздник встретили тихо, без особых приготовлений. Много [усилий?] ушло на чистоту квартиры от антрацитной пыли. В город всё-таки пришлось съездить: всё дорого, везде масса народу и очереди.

Моё хозяйство вроде тришкиного кафтана: есть мука, нет дрожжей; есть краски, нет яиц и т. д. Да, признаться сказать, и делаешь это только для гостей.

2 апреля 1917 г.

Вот прошёл и первый день Пасхи, нынче особенно тихо, так как даже нет почты. С новым строем всё по-новому: трамваи не ходят, газет нет, почтальоны не работают. Скучно, но ничего не поделаешь — всем отдых нужен.

Весь день у меня прошёл в занятиях с Иринкой. Выносили её гулять и, конечно, она сразу заснула. Можешь представить себе, Ёжик, что она положительно ничего не даёт сделать: носи её по комнате и только.

Очень для меня важный вопрос: что дальше делать? Приглашать няню — где её сейчас найдёшь? — хорошую, которой можно доверять? А, главное, неизвестно ещё, как решится вопрос с квартирой. Может быть, придётся жить в комнате, куда я тогда денусь с двумя прислугами? Перевести Дуняшу в няни, а кухарку искать? — только ещё какая попадётся? А мне становится трудно, хочется и почитать, и поработать. Вот и не знаю, что придумать. А переносить её плач положительно не могу.

Ну, а ты как советуешь? Можешь ли доверить нашу Иринку совершенно неизвестному лицу или же передать её Дуняше и искать кухарку? <...>

Сегодня только были у меня Лидия Викт. и Ал.Дм.

Ольга Ивановна всё ещё с [дифтерийными] палочками и сидит в сомнительном. Курьёзнее всего, что от неё заразился Владимир Александрович Колли и сидит в 3-м смешанном. Дифтерит у него очень лёгкий, и он тоже сидит из-за палочек. Они друг друга навещают и гуляют вместе. Ольга Ивановна страшно нервничает, впрочем. В отпуск ей надо поехать отдыхать. Нынче возьмут заместителя ассистента.

Дед [Алексеев], — говорят, я давно его не видела, — очень осунулся, изменился и потерял свой гордый вид. Тяжело ему на старости лет мириться с новым укладом жизни. Вот недавно по первому требованию служащих пришлось удалить экономку.

Ник.Ник. Вильям всё прихварывает, сейчас у него небольшой инфаркт лёгкого. <...> Поздравь от меня товарищей с праздником.

3 апреля 1917 г.

Сегодня уже товарищеская встреча участников Пироговского съезда, а тебя — нет... И откуда у меня была такая надежда?

Получила письмо от 21 марта. Ты пишешь о *гостинцах с неба*. Недаром я, прочитав в газете о воздушном налёте, плохо спала ночь. Скоро ли конец всему этому?

Сегодня событие в Морозовской больнице: из окна прострелили икону в Карзинкинской амбулатории. Очевидно, приняли икону за царский портрет. Много ещё времени пройдёт, пока Россия будет культурна.

[*Далее размышления о квартире, об Ирине...*]. Она вчера получила от Веры Михайловны фарфоровое яйцо, три тарелки для обеда, чашку и кружку. Дело теперь не за большим — можно садиться обедать.

6 апреля 1917 г.

Твои письма от 22, 23 и 24 марта вызвали у меня столько горечи, страдания, что я не могла сдерживать свои слёзы перед маленькой Иринкой. <...> Ты удивлённо спросишь — почему? Да всё потому, что мои письма тебя не удовлетворяют, ты ищешь гражданку, а находишь жену и мать. Если ты пишешь так, то, значит, меня мало знаешь. Я не писала тебе эти два дня, боясь благодаря своей импульсивности быть несправедливой к тебе, хотя всё время мысленно отвечала тебе. Отражать в своих письмах общественное мнение я не могу (да и не хочу), так как абсолютно нигде не бываю и почти никого не вижу. Писать свои мысли и чувства по поводу прочитанного в газетах, не хочется, так как я была уверена, что ты в большинстве случаев угадаешь мою оценку. Взять последние твои письма, — они представляют ценный материал для архива, но для меня — нет, так как я и без них хорошо знала, что ты именно так думаешь.

Ты хорошо знаешь моё мнение: не верю ни в какую красоту, свободу, радость до тех пор, пока существует война. Раз люди защищают войну — они не свободны, они не борцы за идеалы, они — прокажённые духом. Разве есть сейчас свобода, творческая работа — ничего подобного: есть какое-то одурманивание лозунгами «вести войну до победного конца».

И вот меня-то больше всего поражает вот это. Поговори ты в отдельности с лицами, выдвигающими этот лозунг: «Вы верите в победу?» — «Нет», ответит он. «Вам нужен Константинополь и пролив?» Тоже ответит «нет» и будет утверждать, что надо кончать войну. А в результате — «война до победного конца». Что это значит, скажи мне?..

Я не могу стоять вне упрека, что я заинтересована лично в её окончании. Но, видит Бог, я не приемлю её по тем же соображениям, по каким не приемлют и большевики с.-д. Ты тоже заразился немного общим духом, боишься вторжения немцев вглубь России и призываешь всех предупредить эту возможность «усиленной работой для победы», а я считаю созыв мирной конференции лучшим и честным противодействием этому вторжению... А ведь это своего рода жупел: стоит только заговорить о ней, как страсти разгораются, как пускаются все средства протеста. Люди — под наркозом войны, а в таких условиях никакая свобода не может быть красива и ценна.

Ты хочешь знать моё мнение? Разве ты можешь сомневаться хоть одну минуту, что поступок наших доблестных союзников в отказе проезда нашим эмигрантам я назову «политическим бесчестием», а не переговоры и проезд их через Германию? Нет, не хочу и не могу говорить как гражданка. Мне больно, мне

тяжко. Вот Александр Акимович [*Чахмахсазиянц*], которому я дала читать твои письма (ведь там только речи гражданина!), с удовольствием ответит теперь на них подробно.

Сколько обязанностей на мне лежит: мать, жена, врач, хозяйка, гражданка... С честью я, кажется, несу только одну, ради неё я отказываюсь от всего. Пусть же маленькая девочка когда-нибудь поймёт всю глубину переживаний своей изболевшей матери и не пойдёт по её пути, а в каждую минуту только будет гражданкой.

Всё свободное время я посвятила на письмо. Газета сегодняшняя лежит непрочитанная, — тоже недостаток гражданства.

Пусть Ириночка не выходит замуж, много страдания доставляет оно.

Голова кружится — прощай.

7 апреля 1917 г.

Горечь последних дней прошла, дорогой Ёжик, я стала покойнее. <...>

Сегодня звонила Екатерина Ивановна [*Иванова*], что на Пироговском съезде прошла резолюция о мобилизации женщин-врачей и ратников 2-го разряда и о замене последними фронтовиков-врачей. Чудачка она! «Теперь, — говорит она, — возвратится Фр.Оск., только не знаю, будет ли для Вас лучше, ведь на что вы тогда будете существовать?» Я засмеялась и сказала, что согласна питаться только чёрным хлебом. Подробно напишу тебе о Пироговском съезде, когда узнаю от неё всё подробно.

Посылаю тебе сегодня все левые газеты. Не знаю только, дойдут ли они. Жалею, что не сделала этого раньше, тогда бы ты ознакомился с настроением и деятельностью Совета рабочих депутатов и социал-демократов. Недошедших до тебя номеров «Русских Ведомостей» там нет, так как я собрала только первые номера, а остальные решила изводить в надежде, что ты всё соберёшь сам.

Сегодня говорила с Мих.Ал.¹ о войне. Он тоже большой сторонник мира. «Нужно, — говорит, — постоянно долбить нашим союзникам о созыве мирной конференции, однако я это мнение не высказал бы у памятника Пушкина, так как не все способны воспринять его как следует, и нельзя с интенсивностью работать снаряды, если думать о мире». Вот откуда происходит то противоречие, о котором я тебе писала: необходимо [*неразб.*] толпу, чтоб заставить работать. Как странно...

А вот Ольга Михайловна Руд...[?], так та отчаянно ругает левые партии, называя их приспешниками Вильгельма. Как разны люди мыслят!

8 апреля 1917 г.

Мой дорогой, мне опять совестно за мою импульсивность. Ведь правда, так понятно и естественно, что ты хочешь делиться своими взглядами на современное положение вещей и знать моё [*мнение*]. Но поверь, что страдала я искренно и в своём страдании до некоторой степени права. <...>

¹ Скворцовым Михаил Александрович (1876–1963) — прозектор Морозовской больницы в 1911–1953 гг., выдающийся патологоанатом, профессор, академик АМН СССР (1945), основоположник патологической анатомии болезней детского возраста.

Несколько дней подряд я посылаю тебе левые газеты «Социал-демократ», «Вперёд», «Земля и Воля», «Известия рабочих депутатов», «Солдат гражданин». Но, по-видимому, они не дойдут.

Сося рассказывала, что в Университете Шанявского на лекции Хвостова¹ ему была послана записка: «Почему на фронт не доходят левые газеты?», на что он ответил: «Армия должна стоять вне политики». Очевидно, все эти газеты задерживаются. Жаль, ты бы познакомился с их настроением. Может, я нахожусь под влиянием этих газет, но мне кажется, что нападки на газеты рабочих депутатов, что они вносят дезорганизацию в Армию, несправедливы. Относительно двоевластия тоже неправильно. С.-д. рассматривают Совет рабочих депутатов как орган, призванный быть на страже интересов рабочего класса, и в этом смысле влияющий на Временное правительство. И, по-видимому, острота отношений между Советом рабочих депутатов и Временным правительством сглаживается.

Вот насчёт чего я не разделяю твоего мнения, это насчёт германского удара. Не верю я, чтоб наша рука социалистов к Германским повисла в воздухе... Беспокоит меня только упорное молчание со стороны Франции и Англии. А, в конце концов, Ёжик, всё-таки не верится, что может быть конец всем страданиям.

Твоя непостоянная Шура.

9 апреля 1917 г.

Для меня всё яснее и яснее разногласие в психологии мужчины и женщины. И всё с большим и большим уважением я отношусь к женщине. Я рада её равноправию политическому, рада её успеху, но ссылки на её научную и творческую малоценность меня не смутят. У нас есть своё творчество, свой огонь, который многим, многим освещает путь. <...>

Была сегодня Екатерина Ив. [Иванова], много рассказывала о Владимирской больнице². Там жизнь политическая идёт всюю, не то, что в Морозовской больнице. Устроена уже примирительная камера, идут общие собрания всех служащих. Деятельное участие в политической жизни больницы принимает Сергей Игнатьевич³ и пользуется большим доверием всех; он — социал-демократ. Немало и курьёзов бывает на этих собраниях. Согласись, что у нянь и швейцаров мало опыта в ораторстве. Между прочим, было там заявлено на одном из заседаний недовольство смотрительницей, что она завела много кошек. Кошки гадят, а убирать должны няни. В следующем же собрании встаёт представитель нянь и говорит: «Так что кошек мы отравили, и перед нами извинились, так что мы снимаем наше предыдущее заявление». Как видишь, улаживается всё мирным путём.

Относительно Пироговского съезда она рассказывала не много, так как на последних заседаниях ей не пришлось быть. Возмущалась очень поведением вра-

¹ Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920) — социолог, правовед.

² В советское время — Русаковская детская больница, где многие годы работала Ал.Ив. (уже зав. кафедрой).

³ Федьинский Сергей Игнатьевич (1876–1926), преподаватель медицинского факультета Высших Женских курсов, ассистент Владимирской (потом Русаковской) детской больницы.

чей. Как ты уже знаешь из газет, представитель Совета рабочих депутатов приветствовал съезд и освещал деятельность Совета депутатов. Стоило ему только начать о 8-часовом рабочем дне, как поднялось шипение, свист, а ведь, в конце концов, [всё-таки] вынесена резолюция о желательности его. Хорошо, что тот не смутился и заявил, что он привык говорить при всяком отношении к нему аудитории.

Большой протест также вызвало заявление Жбанкова, что нужно влиять на Временное правительство в смысле скорейшего заключения мира с Германией.

Резолюции съезда Е.И. хотела достать и перепечатать для вас. Может быть, о вас раньше позаботится Тарасевич. Екатерина Ивановна выбрана от клиники в ревизионную комиссию Воспитательного дома. От Морозовской больницы избран Алексеев. Последний, по словам Ек.Ив., держал себя монархом, в результате чего она [*неразб.*] и другие молодые силы отказываются работать.

Интересна статистика Воспитательного дома. Из ста ребят, отданных туда на воспитание, до 21 года доживают только 10—15 человек. Как это тебе нравится?

Мне, конечно, по обыкновению досталось от Екат.Иван., что я мало гуляю, что балую Пузырку и т. д. Вот Екат.Ив. так действительно, трудно представить женой и матерью. На роду ей написано быть общественной деятельницей.

По обыкновению, она рассказала и страшные вещи: будто бы эвакуируется Петроград. Целую.

10 апреля 1917 г.

Была у меня сегодня заведующая приютом [*для мальчиков*] Швецова и рассказывала о своём горе. Патронессе надоел приют, и она хочет его ликвидировать. Куда денутся ребята? Она очень славный человек и свободно говорит по-немецки. Я думаю, с ней было бы хорошо оставлять Иринку. Она так любит детей и к Ириночке относится с особенной нежностью. Я её спрашивала, пойдёт ли она к нам в случае ликвидации приюта. Она ответила, что с удовольствием. Как ты думаешь? Она в приюте получала 40 рублей. Целую.

13 апреля 1917 г.

Письма твои дышат бодростью и радостью. Общественная жизнь тебя захватила всего. Завидую такой глубокой и сильной страсти. Моё участие в политике ограничивается только чтением газет, так как я сейчас стою вне даже всякого учреждения, где могла бы хоть немного принимать участие в собраниях.

Какая разница с 1905 годом, когда я принимала самое активное участие. И мы сейчас часто говорим на разных языках. Теоретически всё понятно, но временами очень больно.

Хорошо вам — мужчинам на свете живётся, не страдаете вы так, как мы. Вот сейчас передо мной ужасный случай: в Карзинкинском отделении умирает 6-месячный ребёнок одного политического ссыльного [*заболел по дороге из Сибири*].

Квартир совсем нет, есть нечего. В последние дни такой затхлый хлеб, что насильно заставляешь себя есть. Мяса тоже нет. Когда ты вернёшься? Одно только желание: дожить до этого, чтоб передать мою Иринку, моё сокровище тебе. Так я устала душой, что нет энергии дальше жить...

21 апреля 1917 г.

Во-первых, сильно взволновало разногласие между Временным правительством и Советами рабочих депутатов по поводу ноты к державам согласия. <...>

Вторая неприятность тоже большая для меня. Дуняшу требуют к 9 мая домой. Искать человека так трудно. Главное, как я доверю Иринку чужому человеку? Дуняша очень славная и исполнительная. Жаль её страшно. Плохи мои дела: нет квартиры, нет прислуги и не с кем разделить все свои горести. Тебе в далёкой Румынии все мои заботы кажутся пустяшными, и не всегда ты на них отзываешься. [Далее об Иринке].

26 апреля 1917 г.

24-го вечером покормила Пузырку около 8 часов и заснула... Вдруг вижу перед собой Дуняшу, которая торжественно возвещает: «Доктор с фронта!» Я мигом вскочила, но придать себе элегантный вид не смогла. Уж ты извини, что твою жену застали в таком заспанном виде. [Сергей Михайлович Щастный] у меня сидел очень недолго — торопился к сестре, но успел кое-что рассказать. Вчера уже сидел значительно дольше, но время всё прошло незаметно. Я ему показала Пузырку; о впечатлении он сам тебе расскажет. Посылаю тебе с ним немного конфет, печенья и литературы; большой посылкой боюсь его затруднить. Письмо это свезу ему прямо на вокзал.

Гостили у меня Оля с мужем и Настя, да тут как раз ещё и именины были. Не люблю я теперь табельные дни: точно нарочно в такие дни от тебя нет писем, а всё прочее сейчас только огорчает.

Всё так ужасно дорого, что прямо не хочется в магазины ходить. Например, купила только 2 фунта ветчины и один — самой обыкновенной колбасы. И это удовольствие обошлось в 10 руб. 17 коп.!

Вообще, продовольственный вопрос сейчас так остро стоит. Хлеба дают только по $\frac{3}{4}$ фунта, мяса нет, круп тоже; не знаю, чем и питаться. В последние дни, должно быть в связи с недосыпанием, молока у меня стало мало, приходится за раз давать обе груди. Очень боюсь, что летом придётся прикармливать. Чувствую себя неважно, но перед Сергеем Михайловичем держалась бодро.

В политическом отношении тоже что-то закрадываются сомнения насчёт будущего. <...> Относительно войны Сергей Мих. уверяет, что к осени она непременно кончится. Я уж просила его передать тебе, что мы с Пузыркой тебя усиленно ждём, и если ты скоро не вернёшься, ни за что не ручаемся. Тяжело, Ёжик, жить!

Квартиры, по-видимому, мне не удастся найти; к осени найду себе комнату — вот всё. Беспокоит только, что нас с пелёнками нигде не пустят. Относительно Дуняши вопрос ещё не совсем решен, но больше всего вероятно, что она уедет. Этот вопрос меня тоже очень беспокоит. Оставаться совсем одной с этими громадными очередями; как оставлять Иринку?

Ещё огорчил меня вчера вечером разговор с директором; ему хочется дать мне заразную амбулаторию, так как нечем заменить Елизавету Адриановну и Ольгу Сергеевну. Просил меня об этом подумать. Я вышла от него и сейчас же решила отказаться. Будь Иринка побольше — другое дело, я бы не стала так то-

ропиться, могла бы каждый раз брать ванну, но сейчас ведь мне нужно спешить с кормлением. <...> Вдруг я заражу свою куколку. <...>

У Веры Петровны нашли поражёнными верхушки лёгких, и Николай Иванович везёт её на кумыс. Серёжа остаётся с бабушкой, и Ник.Ив. просил меня взять его под своё покровительство.

29 апреля 1917 г.

Если я не пишу, значит, нет никакой физической возможности. А ты мне пиши чаще, потому что только от тебя я буду набираться мужества и бодрости.

Грустно, грустно, Ёжик, и в политическом отношении и в моих личных делах. Так я верила в силу и сплочённость демократии, в великое значение международной социалистической конференции, но, увы, ... с.-д. разбились на бесчисленные фракции и занимаются только полемикой [и т. д.]. Страшен и надвигающийся голод в Москве. Чувство радости [от революции] сменяется тревогой. Без культуры далеко не уйдём.

Вчера был Вилли. Он настроен тоже очень мрачно. Рассказывал, что на заводе вырабатывается только 1/3 того количества, что было до революции. Боятся за нашу промышленность, и думает после войны удирать.

Дуняша уезжает в четверг, новой прислуги ещё нет, так что, возможно, что мы с Соней останемся одни. Тогда уж [будет] не до писем, вечером я буду стирать пелёнки. Не знаю только, как быть с хлебом. Квартира [на которую рассчитывала Ал.Ив.] не освобождается.

Радует только моя девочка: весёлая-весёлая, и так приветливо мне улыбается. Вилли был с ней вчера очень нежен. Принёс он нам полдюжины столовых серебряных ложек и ложечку от Эдит для Иринки.

Вот ещё неприятность: очень тяжело больна Ольга Ивановна. 27 апреля днём она враз почувствовала сильные боли в животе. <...> Вчера была сделана операция. <...> Сегодня её положение очень тяжёлое. <...> Одно только приятное могу сообщить тебе: была у Прасковьи Васильевны, она представила меня в факультет в качестве ассистента. Нужно только подать [латынь, неразб. — curriculum vitae?]. Оклад жалованья 800 рублей, а может быть, и 960 р.

30 апреля 1917 г.

Какая безотрадная речь Керенского сегодня... Куда мы идём и что нас ожидает?

Ольга Ивановна в крайне тяжёлом состоянии. Посылаю тебе снимок Пузырки. Не могу больше писать.

2 мая 1917 г.

Не стало Ольги Ивановны. Она умерла вчера в 11½ вечера в страшных муках. <...> Она оставила по себе только хорошее, и умерла она в зените счастья. Она только что, после упорной и долгой борьбы, решила выйти замуж за Владимира Владимировича Колли. Была весела и счастлива. Я знала это чутьём, но никогда не расспрашивала, несмотря на то, что Ол.Ив. говаривала мне: «Если бы я Вам могла сказать всё...». И вот сегодня, не знаю, каким образом, вылил мне свою душу Вл.Вл. И стало мне совестно за своё отношение к нему... Больно

за то, что я своим отношением прошлым к Колли огорчала её. А Ольга Ивановна, по моему мнению, прямо счастливая... Помнишь мои постоянные слова, что надо уйти от тебя, в то время, когда любовь была чиста от обычных забот... Любовь — страдание, и только утро её безмятежно и ясно.

Я получила твоё письмо от 22-го, оно раньше пришло, чем предыдущее, которые ты сам сдал на почту с некоторым волнением. Оно ещё не пришло, но я угадываю его содержание. Всякая очень сильная боль притупляет восприимчивость к новым впечатлениям. А я именно сейчас в таком состоянии, когда чувствую *нестерпимую* душевную боль... Что же может прибавить твоё письмо?

4 мая 1917 г.

Похоронили сегодня Ольгу Ивановну.

После смерти она так изменилась, что её трудно узнать. Гроб её утопал в цветах, ведь она по себе оставила только хорошую память. На могиле директор сказал очень краткую, но тёплую речь. Трудно представить теперь, что её больше не встретишь в Морозовской больнице. Бедный Владимир Владимирович — потерять любимого человека в расцвете счастья — это такой ужас... Преклоняюсь я перед его страданием...

[А.И. в душевном кризисе. По получении максимально взвешенного письма мужа в ответ на её бурные обвинения в «письмах для архива», эмоции её захлёстывают].

Сегодня уехала Дуняша, и мы остались совсем без прислуги.

[5 мая — письмо, также полное одних бурных и несправедливых обвинений и страдания.]

6 мая 1917 г.

Наконец получила твоё письмо от 20 апреля [*то самое, большое и программное, про «писание для архивов»...*]. Что я тебе отвечу? Ничего. У меня нет сил реагировать ни на что, кроме как на благополучие Пузырки... [*Нет прислуги, нет квартиры, и т. д.*].

Спасибо Соне, а то бы одно отчаяние, ведь я от Пузырки никуда не могу уйти. Хорошо, что хлеб удаётся получить из больницы, а то бы совсем сиди голодная. Яйца есть — вот и всё, что можно достать без очереди. И опять мучит вопрос: при таком питании хватит ли молока. <...>

... Я думаю в понедельник ездить по конторам и редакциям газет, чтобы сделать публикацию, что нужна бонна к 4-месячному ребёнку. Лучше иметь интеллигентного человека в доме, чтоб хоть можно [было] работать в больнице со спокойной душой. Валюсь от усталости.

7 мая 1917 г.

Пишу тебе, но мысль, что только через месяц получу от тебя ответ, прямо парализует желание беседовать с тобой. Тяжело сейчас жить. От радости первых дней революции нет и следа. Права я была, когда не чувствовала этой радости. Нет больше веры в людей, в торжество социалистических идей. Грустно.

Повсюду слышишь о бесчинствах взбунтовавшихся рабов, а где же граждане? Может, только наша девочка доживёт до лучших времён, а мы — обречены, должно быть, на тяжёлое житьё.

Сегодня у нас целый день народ. Ужасно я устала. Все очень любовались девочкой. Она, правда, славная: весёлая, мало капризничает и очень живая. Коллекция игрушек растёт, и все они повешены над кроватью.

8 мая 1917 г.

А мне не везёт. Та прислуга, что я вчера наняла, не пришла. Сегодня даже за хлебом не пришлось сходить. Ездил я в город, чтоб сделать объявление о бонне, сомневаюсь только, что найду. Завтра опять придётся ехать насчёт прислуги. Питаемся с Соней только яйцами; молоко тоже нельзя достать.

А погода — убийственная: холодно, идёт целый день снег, приходится топить печки, а дрова совсем на исходе. И девочка сегодня капризничает, прямо беда. Сегодня ещё сюрприз: Соне выходит место с 15-го, я тоже вступаю заместителем в Морозовскую больницу. С кем оставить Ириночку? Душа прямо рвётся на части. Нет, никому нельзя доверять: та же самая Дуня подвела самым прекрасным образом: как я ни допытывалась, надолго ли она поедет, она мне решительно ничего не говорила, а потом — уехала... Спасибо ещё друзьям — помогают. <...>

Получила письмо из Риги. Там беспокоятся, как я здесь живу, а если бы они знали, что у меня даже нет прислуги!

9 мая 1917 г.

За всю мою жизнь не видала такой ужасной погоды, как сегодня: отчаянный ветер и снег большими-большими хлопьями, прямо с трудом идёшь. И это в мае.

Нет, положительно не верится, что будет тепло, будет цветы сирень, помнишь, как в мае 1915 года, когда мы были в Киеве. Давно это было, очень давно. <...>

Призваны на военную службу женщины-врачи. Любопытно. Только я плохо представляю, во-первых, как это будет выполнено, а, во-вторых, кто же останется в тылу? Вот, когда мне пришла очередь опять взяться за работу; скорее бы только разрешился домашний кризис. Не знаю, как искать прислугу и бонну.

10 мая 1917 г. (?)

Вчера звонила относительно комнат по объявлениям в газетах. Несмотря на то, что трамваи не ходят, три комнаты были сданы сейчас же (цен не знаю), две стоили по 160 рублей. Звонила насчёт бонны, которую рекомендует дама, у которой она жила 6 лет — моё предложение сороковое! Как тебе это нравится? При первой возможности бегу на дровяной склад покупать дрова. У меня совсем их нет; сажень стоит 75 рублей.

11 мая 1917 г.

Ты так веришь в близкий мир, а я надеюсь только на обмен [врачей]. Должна же хлопотать Морозовская больница, чтоб вас всех возвратили взамен призванных женщин...

Несмотря на все мои энергичные поиски, несмотря на публикацию, я до сих пор вторую неделю никого не могу найти. Не желают идти в прислуги. Прямо иной раз охватывает отчаяние, и хуже всего то, что от всех этих неустойств меньше [стало] молока. Питаемся мы с Соней только яйцами, молока нельзя достать, круп — тоже.

Сегодня пишу в Ригу с просьбой поискать бонну. Ведь надо же после домашнего кризиса решать [и] квартирный. Если бы ты мог приехать на неделю, я хоть немножко воспряла бы духом. <...>

С понедельника начинаю опять служить в Морозовке. Плохой я сейчас врач... Ты прав, когда говоришь, что я в себе сомневаюсь. Право, я сейчас ничто, «от ворон отстала, к павам не пристала»; и не врач, и не хозяйка. Не будь Сони, я, право бы, не в состоянии была поставить самовар; мне жаль тратить время для таких малоинтересных, для себя, потребностей. Для Иринки я буду стирать пелёнки, а для себя и самовар не поставлю.

12 мая 1917 г.

Всю тяжесть положения Керенский вывозит на своих плечах. Сгорит он быстро, вот что страшно. <...>

Домашний кризис продолжается: прислуги всё нет. Жаль мне Соню, она тоже устала.

Относительно бонны: Маргарита Альфредовна очень охотно идёт ко мне, но её коллега-воспитательница заявила, что тогда и она уйдёт из приюта. Конечно, это недопустимо.

Предлагает мне эта воспитательница свою свояченицу, живущую на Урале. Плюс тот, что она за неё ручается как за честного и порядочного человека. Я просила её написать об условиях и, если она согласится, возьму её. Она знает и шитьё, и хозяйство. А к осени, может быть, освободится и Маргарита Альфредовна.

Видела директора. С 15-го начинаю служить в чистой амбулатории. Он очень смущён призывом женщин-врачей и удивлён большим падением амбулаторных посещений. Странно, что несмотря на все тяжёлые условия, эпидемии падают: все заразные отделения пустуют, даже скарлатина. Когда это было?

15 мая 1917 г.

Ни бонны, ни прислуги мне не удастся найти. Взяла только из приюта девочку 14 лет. Вот с ней мне и пришлось оставить свою девочку. Упросила ещё Шуру Пашину придти посмотреть, как эта Маня справляется с Иринкой. Пришла совершенно измученная борьбой долга по отношению к больным с материнской тревогой за Иринку. Отказаться от службы и недобросовестно с моей стороны, а с другой — поставить крест на своей деятельности. <...>

Володя Колли, — со слов Лидии Викторовны, чувствует себя ужасно.

16 мая 1917 г.

Очевидно, Ёжик, всегда за волной падения следует волна подъёма. После вчерашнего убийственного состояния я сегодня покойнее, несмотря на то, что совсем не выспалась, несмотря на то, что домашние дела из рук вон плохи. Даже

девочка и то завтра уходит — берут её в деревню. Вся надежда на Шуру, с которой буду оставлять свою девочку. Сегодня ещё, кроме всего прочего, находимся на пожертвованном иждивении. Дров у меня нет, так как не могу выбраться в склад и некому принять дров; для керосинки сегодня нигде не нашли керосину. Вот спасибо Насте, прислала нам с своей бонной поесть. Писала Ане, чтобы она приехала, — раньше 1 июня не может. Прямо не знаю, что и придумать.

Мне совестно из-за костюма встречаться с людьми, бегаю всё в зимней коричневой [*неразб.*], старом костюме, но ничего не могу поделывать. Вот уж к твоему приезду постараюсь всё привести в надлежащий вид. Только бы найти человека надёжного, с которым можно оставлять Иринку.

Ты недоумеваешь, почему я не взяла квартиру на Пятницкой? — по очень простой причине — она не освободилась и не освобождается. Ты пишешь о неудобстве комнат. Разве я этого не знаю? Но что делать, если найти квартиру кажется невозможным? Вот приедет Аня, тогда буду бегать по комнатам, если появятся публикации в газетах. Деньги я все получила в Крутицких казармах, второй раз ещё не ездила.

В газетах тоже одна грусть, постепенно теряешь веру в народ, народных вождей... Какой гнусный поступок Стеклова¹, какая неразборчивость во вручении мандата. Чеберяк² является вершительницей судеб! К чему мы придём? Ты надеешься вернуться к осени совсем, а я надежду потеряла.

17 мая 1917 г.

Ну как же жить, когда всё больше и больше теряешь веру в самую элементарную порядочность людей? Сегодня должна была придти прислуга, которую я согласилась ждать несколько дней. Не пришла и даже не подумала известить, что она раздумала. Точно так же дела обстоят и с прачкой: клянётся, божится придти и не приходит без всякого уведомления. Прямо руки опускаются.

Видно, надо бросать всё врачебное дело и заниматься стиркой, хозяйством. Обидно только приниматься за это после столько затраченной энергии...

Две недели мы не обедаем, две недели я не имею ни единой минуты покоя и отдыха — возьмёт отчаяние. Соня последние дни служит и возвращается только в 6 часов вечера. С утра ещё у меня теплится энергия и вера, а к концу дня я совсем разбитая. Я согласна с тобой, что всё это — ещё не несчастье, но ведь и радости нет.

А в природе так хорошо, цветут яблони... <...> Спасибо Шуре, она меня выводит из безвыходного положения, сидит с Иринкой, пока я в больнице.

21 мая 1917 г.

Не писала три дня. Занята была и вечер, и ночь стиркой Ириночкиного белья. И обидно то, что энергии затрачено много, а бельё вышло скверно. Ужасно

¹ Стеклов Юрий Михайлович — журналист, редактор «Известий депутатов трудящихся».

² Вера Чеберяк. скупщица краденого, важнейшая фигурантка по «делу Бейлиса» в Киеве (1911).

негодую на себя, что так мало приспособлена к введению хозяйства; право же, я не собиралась замуж... <...>

Сегодня Троицын день. Вспоминала все последние годы. Помнишь, в 1914 г. мы устроили крошон, и все были в праздничном настроении, а потом ты поехал на полёты, я же одна осталась дежурить. В 1915 г. я была с тобой в Киеве... Всё цвело кругом, в номере у нас тоже было много цветов. Сказочно хорошо тогда было. В прошлом году — тоже была в Киеве и ожидала встречи с тобой на фронте. И если оглянуться назад, то с горестью заметишь, что с каждым годом радости меньше и меньше. Всё ждёшь, ждёшь лучшего, а когда оно будет — неизвестно.

Встретила Н.Н. Вильяма, он спросил меня, не соглашусь ли я преподавать гигиену в гимназии Виноградской. Я ответила, что принципиально ничего не имею против, но что мне нужно подготовиться.

22 мая 1917 г.

А Москва стала такая противная: на улицах грязь, кучи шелухи от подсолнухов, бумаги, будто какой-нибудь захолустный город. Глубоко пришлось разочароваться в достоинствах русского народа. Екатерина Ивановна [*Иванова*], так та ни о чём не может слышать, особенно негодует на рабочих. Хочет принципиально отказаться от ведения бесплатно амбулатории Общества борьбы с детской смертностью. Да, настроения круто изменились, и все почти поправили. Какие ещё превратности нам готовит судьба?

Ты не можешь себе представить, как обидно в это время, когда события несутся с головокружительной быстротой, от тебя получать письма с таким запозданием.

Я временно, до августа, нашла человека к Ириночке: барышню 21 года, ученицу Строгановского училища. Она, правда, мало развита, но, по-видимому, человек добросовестный. Я её заполучила благодаря заведующей приюта Илтищевой. Пока Ириночка дома и играет в кроватке, она шьёт. Я думаю, что на неё вполне спокойно можно положиться, пока я ухожу. Ещё одно большое достоинство у неё — она молчалива. Не люблю я болтливых людей в доме.

Прислуги всё ещё нет. И устали же мы с Соней! Ах, Дуняша, Дуняша, как она подвела! Впрочем, она прислала письмо, где благодарит за всё хорошее, жалеет, что не может приехать, так как мать очень плоха. Может быть, и правда. Такую прислугу больше не найдёшь. Хотели мне прислать девушку из Ярославля, не знаю, приедет ли. <...>

Надо всему, всему учиться самой. С каким бы я удовольствием поехала в Ригу к маме, она всему бы меня научила.

23 мая 1917 г.

Сегодня получила твоё письмо с откликом на болезнь Ольги Ивановны. Уже три недели, как её нет! Какие ужасно длительные перерывы между моими сообщениями и твоим ответом! Что за ужасный год! <...>

Нет, кажется, никогда, никогда не освободиться от кошмара последнего времени. Что произойдёт за месяц, когда я получу ответ вот на это письмо?

Да, ты более радужно настроен, чем мы здесь. Ёжик, ведь форменный голод надвигается, ничего нет. Нельзя ли тебе там у себя достать манной крупы? С июля буду Иринку

прикармливать кашками, а здесь нигде не могу достать. Бедная девочка, неужели ей придётся терпеть лишения?

25 мая 1917 г.

Для всякого дела нужна сноровка. Для привычного свободного человека хозяйство — пара пустяков, но для меня — сушая пытка, особенно после плохо проведённой ночи и с инфлюэнцей. Встанешь — одеда Ириночку, бежишь в кухню кофе готовить, в погреб — за молоком. И потом бежишь как угорелая, в больницу, оттуда — к Иринке, а кругом всё не убрано, не прибрано. Надо позаботиться о Лиде, чтоб её накормить, нужно постирать Ириночкино бельё, а своё тоже запущено. Молишь, просишь придти прачку, обещает и не приходит. Всё это, конечно, не несчастье, но нет и радости жизни. Газеты едва просматриваю, медицину забросила. Болею душой за Марию Иосифовну и не могу забежать.

Я уже не чувствую ни красоты природы, ни радости весны, я смотрю на жизнь, как на долг перед Иринкой. Страшит перспектива отсутствия молока, а с другой стороны — это понятно: и нездоровится, и нервничаю, и есть, ей-богу, нечего. Жить сейчас — сплошной ужас.

[*Большое эмоциональное письмо от 26 мая 1917 г целиком посвящено темам: «ты меня не понимаешь», «между нами стена», «я так страдаю» и «все мужчины эгоисты», «мы стоим на разных плоскостях».*]

27 мая 1917 г.

[*Продолжение предыдущих тем, объяснение своего невыносимого положения*].

Ради тебя я сегодня заставила страдать Иринку. Была сегодня конференция врачей в Морозовке по поводу предстоящего призыва врачей. Обсуждался вопрос, кто необходим для больницы. А так как у меня было впечатление, что о призванных ранее как-то забыли, то я решила пойти. И на меня эта конференция произвела довольно-таки тяжёлое впечатление: почти все оказались необходимы, даже терапевтический ординатор Ал.Стан. Лянды и врач лазарета Ник.Ив. Скворцов. Милые люди они, слов нет, но всё-таки, я протестовала против их необходимости. Протестовала также против необходимости второго терапевтического ассистента, ведь и без призыва я была одна в отделении и в лазарете.

В конце концов, решено пожертвовать четырьмя амбулаторными врачами: одного ассистента — [заменять] другим. Если возвратят тебя — Ал.Стан., если возвратят Молодёнкова — [заменить?] умным доктором, если возвратят Н.Н. Блажко — заразными ординаторами, если возвратят [Сергея Николаевича] Розанова — [отдать] ассистентов Преображенского и Успенского. Охотников, в общем, на фронт нет. Предпочли бы остаться. Алексеев посмеялся, что нас с тобой опять разлучат.

30 мая 1917 г.

Сегодня мы получили посылку от бабушки: 6 рубашечек, 6 панталончиков, белые башмачки, которые носил Буби, и два нагрудничка работы Маузи. <...> Как приятно получать и покупать для Иринки... Она всё ещё продолжает чихать и

кашлять. Теперь я понимаю Ник.Ник. Вильяма, который так чрезмерно работает для удобства детей. Ради этого крошечного существа на всё пойдёшь. <...>

Ты прости меня, Ёжик, что я тебя так огорчила своими последними письмами, я не виновата в своей импульсивности. Правда, я давно решила, что я — никуда не годная жена, но зато, Ёжа, я никогда не лгу в своём настроении, это моя заслуга.

Год тому назад ты меня встречал в Ровно. Как я была счастлива, увидя твою фигуру на вокзале... И не менее была бы счастлива, уверяю тебя, если бы ты был сейчас здесь. <...>

У меня сейчас такое чувство, что я только что поправилась от тяжёлой болезни... Пиши, родной, не дай опять впасть в отчаянье.

[*Письма от 31 мая и 1 июня — целиком о тяжести душевного состояния.*]

3 июня 1917 г.

Вчера вечером была Екатерина Ивановна и нагнала на меня ещё большую тоску. Рассказывала, как накануне вывезли на тачке из Воспитательного дома комиссара Голицына, а врачей, работавших в тот день в комиссии, заперли на ключ. Пришлось им удирать каким-то потайным ходом. Сегодня уж этот факт сообщён в газетах. Эк.Ив. так нервничает, что без слёз не может говорить.

А что ей нервничать? Одна-то как-нибудь проживёт. Относительно моего положения она безнадежно машет рукой. Я тоже не вижу выхода. Будет ещё труднее найти прислугу, а время идёт. Нужно ведь как-то решать с квартирой.

Не совсем я понимаю, почему наши материальные невзгоды кажутся тебе неважными. Я измучилась совсем, у меня убывает молоко. Я прямо не знаю, что делать. Ехать, но куда? Бросать медицинскую работу? Ведь теперь так врачи нужны, да и дороговизна неудержимо растёт.

Всё, всё опротивело: и квартира, и свои вещи, ни на что не смотрела бы. Хочется уюта, чистоты, а физических сил на это не хватает. <...> Сажу между двумя стульями — ни хозяйка, ни врач: ни физического нет благосостояния, ни нравственного удовлетворения, а главное, так устаю, что вечером плохо соображаю. Вдобавок сегодня болит живот и голова.

6 июня 1917 г.

Не писала два дня — нездоровилось, болел живот и ныли швы. Насилу добралась из больницы.

А больных теперь всё больше — дизентерийных и с интоксикацией. Есть и новые жалобы на нервность детей, проявляющуюся в злости и раздражённости. Усталость родителей сказывается.

Сегодня страшно поразило меня известие о смерти бывшей невесты Вл.Вл. Колли. Из головы не выходит. Рассказывала Лидия Викторовна таким образом.

На имя Вл.Вл. был получен заказной пакет. Чужа что-то недоброе, сестра вскрыла его без него. В письме тётка покойной довольно грубо сообщала, что Маруся не выдержала его предательского удара в спину и умерла 26 мая. В последнее время Володя часто её вспоминал и писал ей, но письма пришли после её смерти.

Какая психология этой смерти? Может быть, она чувствовала, что он вернётся к ней и, не в силах с одной стороны, противостоять этому, а с другой — будучи не в силах простить и забыть его уход, она решилась на единственный выход? А, может быть, она не в силах была жить без него. Тогда счастливая Ольга Ив. Эта смерть была бы вечной трагедией для неё. Володя пока этого не знает. Много несчастному приходится переживать. Его страдание изменило моё отношение к нему, а может быть, вообще людей страдающих тянет ко мне. Лидия Викторовна говорила мне, что он собирается [прийти] ко мне.

Приехала Аня и внесла в мою жизнь некоторую долю спокойствия. Вообще же я стала отвратительнейшим существом; нет ни малейшего душевного равновесия.

7 июня 1917 г.

Не место таким людям как я, в семье; в своей любви я несу страдание... И нет во мне уюта, радости и простоты, какие нужны в семье. Все заботы о хозяйстве мне чужды, мучительны и могут окончательно вывести из равновесия. <...> Не склонна моя душа к тихой, покойной радости.

Всё с большим и большим напряжением всматриваюсь в нашу девочку, Нет, пока ничего не скажешь — весёлая, прыгает без конца..

Как мучительно хочется спать! Я теперь часто моментами теряю сознание от нестерпимого желания спать. Ведь ежедневно сплю по 5—6 часов. <...>

В Москве теперь ужасная пыль и грязь. Бедная наша девочка дышит таким воздухом.

9 июня 1917 г.

Нелепая моя любовь: пишу тебе страшные вещи, заставляю тебя впасть в несвойственное тебе мрачное настроение и волнуюсь отчаянно, когда от тебя нет писем. <...>

[Об Иринке] Меня теперь знает очень хорошо и постоянно дарит улыбками. Вечером я принадлежу ей и балую её: беру на руки, кладу на свою кровать, ношу по комнате. Она теперь визжит от удовольствия. С Аней они большие друзья, только обидно, что Аня сегодня уезжает. Встретилась сегодня с оспенным больным, поэтому немедленно решила привить оспу и себе, и девчурке. Она очень обиделась и долго всхлипывала. <...>

Воспользовавшись приездом Ани, я была в Крутицких казармах. За год и один месяц я получила 418 рублей. Что-то чиновники пошептались перед выдачей мне аттестата, причём я слышала, что лучше меньше дать, чем больше.

Ездил в город, искала тебе на блузы; была в Офицерском и в других мануфактурных магазинах, но нигде ничего не нашла подходящего. Не знаю, что теперь делать с посылкой.

Пиши поскорее, когда можно ждать тебя.

10 июня 1917 г.

У нас два события. Во-первых, приехала с Урала бонна. Я видела её сегодня в приюте, где она несколько дней отдохнёт. Зовут её Христина Ивановна, она молодая, очень свежая, имеет очаровательные волосы. По-русски говорит не совсем

правильно, знает немецкий язык. Сёстры мои посмеялись, что как это я не боюсь брать её в дом к себе, ты можешь увлечься... В общем, она производит хорошее впечатление. Я думаю, что она с Иринкой справится. <...>

Второе событие — наняла прислугу. Иду в Морозовскую больницу, подходит ко мне женщина довольно симпатичного вида и просит местечка. Я дала ей адрес, и она, к моему удивлению, пришла. Думаю, что она беременна, поэтому не решилась обращаться в какое-либо учреждение. Не знаю, какой она окажется, но я уже рада, что она будет стирать бельё моей девочки и готовить обед. Жалованья на первый месяц — 23 рубля.

[*О возможности выезда из Москвы.*] Теперь я не вправе бросать Морозовскую больницу, так как в мае было много кандидатов на это место, — предпочли меня. Сейчас же ищущая публика разошлась, заменить меня некем, тем более что призыв врачей всё-таки возможен.

Дальше: куда я могу поехать? Ты пишешь — к Оле. Туда-то как раз я и не могу поехать. Оля с мужем выбиваются из сил, чтобы справиться с хозяйством, так как рабочих сил нет. Приехать к ним и ничего не делать самой, это антиморально; работать с ними я не могу. Положим, что я буду платить за содержание, но всё равно это не спасёт от несомненного непонимания друг друга. Я всячески стремлюсь к удобствам для Иринки; там, в страдную пору быть их не может. Ехать на дачу в наш небольшой участок тоже не представляется возможным, так как дача совсем развалилась, да и нужно вести самой всё хозяйство. Продукты же там, говорят, ещё дороже, чем здесь.

В Кострому я тоже поехать не могу. Единственное место, куда ещё бы я могла поехать — это к М.Ф.Моргуновой под Озёры Московской губ. Думаю, что она не оказалась бы взять нас на пенсион. Страшна только дорога, так как сейчас ехать с маленьким ребёнком почти нет никакой возможности.

А затем, милый, какой уж для меня будет отдых, когда неизвестно, что сулит осень. Впрочем, обо мне не может быть и речи, весь разговор об Иринке. Ей, конечно, здесь хуже, чем в деревне в смысле воздуха, но зато всё, что я могу, я делаю для неё; в другом же месте я не хозяйка.

Относительно осени: я сделаю всё, чтобы остаться нам в Москве: во-первых, потому что для тебя сейчас необходима Москва; во-вторых, только здесь мы оба найдём соответствующую работу; в-третьих, если будет голод, он будет везде; в-четвёртых, порванные связи восстанавливать труднее.

Если же ничего мы не найдём, то тогда я с Иринкой уеду, а ты кончай стаж. Легче восстановить потом и мои связи с Москвой.

12 июня 1917 г.

Жарко, Ёжик! Голова совсем пустая от мучительного желания спать. Мечтаю хоть раз выспаться, когда ты приедешь.

Девочка тоже влажная, от пота появилась сыпушка на ручонках, оспа не привилась.

Такая масса детей страдает теперь поносом, что мне страшно становится за Иринку. <...> Если она заболит, не могу себе представить, что станет со мной. Она так очаровательно улыбается, что я на миг забываю все свои горести.

Сегодня была у нас Вера Петровна [Скворцова]. Очень долго любовалась девочкой и восхищалась её воспитанием. Она лежала в кровати и занималась игрушками. Действительно, она очень мало капризничает, она весела и играет при условии, чтоб кто-нибудь сидел возле неё.

Сама Вера Петровна в очень плохом настроении. Отношения её и Ник.Ив. всё больше и больше её не удовлетворяют. Ник.Ив. возмутителен в семейной обстановке, и я всецело на стороне Веры Петровны. [*Идут подробности семейной жизни Скворцовых — версия В.П.*]. Подумай, какой трагизм во всей этой истории. Я, конечно, всячески, как умела, старалась смягчить резкость его отношения, говорила... что мужчины имеют другую психологию и т. д. «Ф.О., наверно, не такой, — говорила она — и я уверена, что у вас сложится жизнь иначе».

Ну, конечно, ты не такой, хотя и мужчина, и я несколько не сомневаюсь в том, что в нашей семье будет дух равноправия, общности интересов и ответственности каждого даже за хозяйственные мелочи... Иначе и быть не может.

15 июня 1917 г.

Два дня <...> был народ. Екатерина Ивановна, Лиза, заведующая приютом, воспитательница и будущая бонна Иринки. Она производит прекрасное впечатление, и я думаю, что она скоро у нас будет своим человеком. Наша прислуга Матрёша, хотя и уступает значительно Дуняше, но всё-таки, пока ничего. Бонна к нам переедет в воскресенье, тогда я буду свободнее и могу приняться энергично за поиск комнаты.

Последние дни я чувствую себя значительно покойнее, и это сейчас же отразилось на количестве молока. Иринке хватает, и это для меня является громадной радостью, так как сейчас очень много поносов у детей. Вчера опять привили оспу Иринке; на этот раз — Екатерина Ивановна. Я всё над ней смеялась, что она удостоила Иринку взять на руки. <...>

Буря прошла у меня, я жду тебя, дорогой, и поверь, встречу с ясной спокойной радостью. <...>

Вчера была конференция врачей в Морозовке по поводу смет увеличения жалования, составленной Советом делегатов врачей. Увеличение довольно значительное. Так, например, ассистент должен получать 5000 рублей [в год].

Конференция высказалась в том духе, что в данный момент, когда городская касса совсем пуста, она не считает возможным предъявлять такие требования, подчёркивая в то же время, что положение врача крайне неудовлетворительно в материальном отношении.

В Морозовке тоскливо: на заразе всего только двое ассистентов: Мария Викторовна и Алексей Дмитриевич, на чистой Екатерина Вл. и двое новых ассистентов. Поповы и Иван Михайлович в отпуску на полтора месяца. <...>

Напиши поточнее, когда приедешь. Мне больно, что я не исполнила твоей просьбы насчёт книг и полотна. Сейчас нет абсолютно никакой возможности достать мануфактурных товаров. А книжки... я надеюсь, что ты приедешь скоро сам.

19 июня 1917 г.

Не писала три дня — не было возможности. Дело в том, что наша прислуга ушла — поступила на 100 рублей в больницу, а нужно было привести комнату в

порядок для Христины Ивановны. Да, кроме того, ещё вчера ездила за Москву на частную практику, где заработала Иринке на чулки 18 рублей. <...> Ездила на лошади приглашавшей дамы, предварительно накормив Иринку. Заняло это около трёх часов. Вероятно, ещё придётся поехать. Дизентерия довольно тяжёлая.

В амбулатории народу масса, всё больше с поносами. Гляжу на этих больных ребятшек, и сердце замирает за Ириночку. <...> Успокаиваюсь, когда нахожу её весело играющей в своей кровати.

Завтра к нам переедет Христина Ивановна. Как-то мы с ней сойдёмся? Я была ужасно расстроена уходом прислуги, имея в виду комфорт Христины Ивановны; она меня всячески старалась утешить. Очень славная и интересная семья воспитательницы приюта, той самой, которая рекомендовала Христину Ивановну. <...>

Не так давно я получила 400 рублей, а от них осталось одно воспоминание. На сбережения наши, милый, нечего надеяться, они растают при первой нашей попытке устроиться на новом месте. Как-нибудь дотяну до твоего приезда, только бы поскорее он осуществился. <...>

Как было бы хорошо, если б Сергей Гаврилович уступил тебе свою очередь! Дождёмся ли мы с Иринкой того момента, когда папа снова войдёт в нашу семью. Милый мой, как я жду тебя.

23 июня 1917 г.

Опять три дня не писала тебе. Ты не будешь сердиться, когда узнаешь, в чём дело.

20 июня должна была к нам переехать Христина Ивановна. Чтоб встретить её как можно теплее и приветливее, я сбегала купить цветов и поставила в её комнату. Вечером пришла она вместе с сестрой и просидели до 12 часов. Я покормила Иринку и ткнулась спать.

На следующий день после больницы я должна была опять поехать к тому больному, куда рекомендовал меня директор. Вернувшись к 5 часам вечера, нашла у нас Александра Акимовича [*Чахмахсазиянца*]. Он был в экскурсии и, воспользовавшись свободным временем, зашёл к нам. Живут они без прислуги. Он и ещё один **студент-толстовец** работают на огороде, а Ирина Борисовна ведёт хозяйство. Студент этот по рассказам Ал.Аким. очень интересный тип, служил в Земском Союзе, зарабатывал 250 рублей в месяц; теперь всё бросил и решил обрабатывать землю. У Ал.Аким., он работает исполу. Встают они в 6 часов утра и целый день в саду. Кроме того, Ал.Аким. участвует в экскурсиях и состоит инструктором в детской колонии. Он тебе писал, но ты, по-видимому, не получил письма. Настроение у него плохое, после войны собирается ехать в Америку. Мы его накормили и напоили, и ему, кажется, понравилась наша обстановка.

Христина Ивановна очень славная, Лида [*временная*] так привыкла к нам, что не хочет идти домой и предпочитает у нас оставаться и исполнять обязанности прислуги: убираться, в комнатах, готовить обед. Ко мне чрезвычайно внимательна, всё ходит за мной, как нянька, и скучает в моё отсутствие. Она интеллектуально отсталая, но, в общем, славная девушка.

Пока я ездила к больному, пришла ещё дама и оставила записку с просьбой навестить ребёнка, больного [*неразб.*]. Я думала отказаться по телефону, но она

пришла вторично. Пришлось, проводя Ал.Аким., идти к ней. Вернулась оттуда я в 11 ч. ночи усталая отчаянно; накормила девочку и легла спать, надеясь написать тебе утром.

Но вчера — это был ужас ужаса.

У меня оказалась форменная дизентерия, правда, в очень лёгкой степени, но, тем не менее, со всеми её атрибутами. Можешь представить моё состояние, мой страх заразить Иринку. Страдание моё безгранично. Я старалась к ней не подходить, руки мыла спиртом и щёткой, но всё-таки всё может случиться.

Сегодня у меня боли меньше, состояние физическое лучше, чувствую только сильную слабость, но морально совсем разбита. Что, если заболит моя девочка. Ведь детишки так плохо переносят.

Призываю всё своё благоразумие, всё спокойствие, но... ужас царит в моей душе. Ты так далеко. Я надеялась на отпуск, а ты как раз пишешь, что они прекращены. Следовало бы, конечно, мне полежать, но как это возможно? Если я не пойду в больницу, товарищам будет очень трудно; сегодня ещё надо бежать в приют: там тоже дизентерия. Кроме того, надо же заботиться, чем накормить Лиду и Христину Ивановну.

Ты всё пишешь, чтоб я уезжала. Никуда я, милый, не поеду. Нужно работать, работать без конца. В перспективе: или мы с тобой живём вдвоём без прислуги, без бонны, и я совсем бросаю медицину, или — я должна зарабатывать очень много, чтоб содержать бонну или прислугу.

Можешь себе представить: 20 июня я получила жалование за полтора месяца 280 рублей, а от них скоро ничего не останется. И ничего лишнего я не позволяю себе. Даже не знаю, откуда эта дизентерия, никакой зелени не ела.

25 июня 1917 г.

Сегодня мне уже гораздо лучше. <...> Ириночка умница: визжит, играет и начинает привыкать к Христине Ивановне. Последняя очень славная, всегда изящная, к Иринке очень ласковая и внимательная, так что я её оставляю с покойной душой.

Сегодня выборы. Общее оживление. В нашем районе — никаких эксцессов. А как трудно всё-таки выбирать, не состоя партийным работником. Думаю голосовать за №6 — чистых марксистов, и скромность их мне нравится.

26 июня 1917 г.

Ты опять пишешь о моём отъезде в Вичугу. Мне больно тебя огорчать, но поехать я никак не могу. Я знаю, что для Иринки деревня очень полезна, но из двух зол приходится выбирать меньшее. У Оли жить невозможно, на даче — Аня пишет, что всё поразвалилось, да и как там я буду жить без прислуги. К Моргуновым ехать с ребёнком тоже неудобно, ведь теперь народу нигде не найдёшь, а стирать в чужом доме ещё хуже, чем дома.

А самое главное — деньги. Пойми, родной, что бросать сейчас заработок свой — это броситься в пропасть вниз головой. Ты пишешь о наших сбережениях. Что значит иметь сейчас 700—800 рублей, — уверяю тебя, они уйдут при первой перевозке с квартиры. Ведь мне-то видней, как трудно жить. Особенно, когда есть в доме чужой человек, ведь его надо напоить-накормить. Если себе во

всём можно отказать, то чужим не откажешь. Ведь нельзя же, чтоб Иринка страдала; надо её чистенько одевать, а ведь теперь аршин батиста 2 рубля, прачка за 1 час берёт 4 рубля.

Я знаю только, что мне нужно усиленно работать, чтобы свести концы с концами. А квартира? Надо что-нибудь найти. Сегодня Соня убедила меня курицу купить, так как я все эти дни почти ничего не ела. 6 рублей она стоит, прямо ужас. А ведь Ириночку скоро надо будет прикармливать супом, надо же на всё это деньги. Не должна страдать наша крошка ни в чём, пусть страдают её родители. Пока я окончательно не свалюсь, я буду работать.

Вот сегодня опять бегала к больному дизентерией. Второй раз меня позвали. Платят хорошо, по 10 рублей, да ещё букет роз подарили. По директорской рекомендации ездила за Москву три раза, так там платят по 15 рублей за визит.

Сегодня ещё Настя Разорёнова заболела; рано утром позвали к ней; тоже, по-видимому, дизентерия. И сама-то сегодня себя хуже чувствую. Скоро ли, наконец, пройдёт эта проклятая дизентерия?

28 июня 1917 г.

Сегодня опять кисну больше, чем вчера. Надоела мне эта история. По совету Елизаветы Адриановны стала больше пить, бросила голодную диету и чувствую больше силы.

Девочка весела, играет и попивает молочко. Теперь я её кормлю только 5 раз. На днях зову фотографа и снимаю её вместе с Христиной Ивановной. С последней чувствую себя значительно покойней. С девочкой она очень ласкова, соблюдает строжайшую чистоту, а ко мне мила и предупредительна. Кроме всего прочего, очень хорошо готовит. <...> Она у меня попросила книжку об уходе за грудным ребёнком, я ей дала Пекато и Лангштейна, недавно вышедшую на русском языке, и теперь более или менее она в курсе дела.

Спит моя девочка со мной, и всё утро с 5—6 часов до 8 мы проводим вместе. <...>

Подумай, Ёжик, какое настало время: чтоб получить 6 аршин [*неразб.*] и 10 аршин бязи пришлось торчать в больнице два часа. Там есть кооперативная лавочка; Ник.Ник. Алексееву через Морозова удалось получить несколько кусков этого материала. В магазине же сейчас ничего не достанешь, кроме дорогих модных тканей.

А мне ведь ещё нужно много белья Ириночке. Ездила в город и купила ей полдюжины чулочков — больше 15 рублей. Купила ещё электрический утюг за 32 рубля. Ведь теперь часто приходится стирать самой.

29 июня 1917 г.

И так я рада, что нашла Хрестину Ивановну. Она такая славная, с ней так легко, и Ириночка к ней совсем привыкла. <...> Жизнь наша понемножку налаживается, так что к твоему приезду я совсем поправлюсь. Вот только бы квартиру найти, тогда бы я совсем успокоилась и стала ждать тебя.

Прислуги пока ещё всё нет, но жду скоро её из Ярославской губернии [*не дождалась*].

5 июля 1917 г.

Работа и заработок придают мне до некоторой степени бодрость. <...> Я сейчас отказалась от надежды найти квартиру и ищу 2—3 комнаты. Конечно, это удовольствие будет стоить не меньше 200 рублей. Если и комнат не найду, буду искать место в провинции, и тогда в сентябре совсем распрощаюсь с Москвой. Конечно, это будет очень тяжело. Жаль, во-первых, бросать курсы, а, во-вторых, сейчас как будто для меня есть возможность устроиться и ещё где-нибудь. Так, Ал.Стан.Лянды приглашал меня в Воспитательный дом, если он будет там старшим врачом. Екатерина Ивановна говорит о возможности приглашения в клинику. Само собой разумеется, для Иринки всё брошу.

Что же касается тебя, то ты, во всяком случае, должен остаться в Москве и кончить стаж, иначе у тебя не будет никакой перспективы. Только теперь не верю в твоё возвращение. Мне очень больно тебе писать, но факт остаётся фактом: о вас учреждение и товарищи забыли. Я уже писала тебе, какое впечатление произвела конференция. Теперь уже ходят упорные слухи, что врачей второго разряда призывать не будут. До сих пор из Морозовки никто не призывался, только под предлогом скорого призыва все уехали в отпуск.

6 июля 1917 г.

Скоро ли мы выберемся из тупика нашей русской нелепости. Я положительно теряю веру не только в гениальность русского народа, а прямо в его здравый смысл и элементарную честность. Разоблачение Ленина производит удручающее впечатление¹.

[*Письмо из Риги: там беспокоятся отсутствием писем от Фр.Оск.*].

Чувствую ещё возмутительную слабость, а дела так много, необходима физическая сила.

Сегодня слышала, что на 10 июля будто бы назначен призыв врачей. Давно бы пора! Появилась опять маленькая надежда на твоё возвращение, и эта вера меня спасает от порывов отчаяния.

Девочка моя весела, гуляет. Научилась как-то особенно страшно рычать, так что я зову её волчонком.

9 июля 1917 г.

У меня только одно желание сейчас, чтобы ты был с нами. Я не хочу и не могу решиться на что-либо, не переговорив с тобой. <...> А политические горизонты всё мрачнее и мрачнее. Скоро ли выглянет ясное солнышко радости и настоящей духовной свободы?

11 июля 1917 г.

Мне противно встречаться с товарищами, так крепко цепляющимися за насиженные тыловые места, меня в неистовство приводят люди, находящиеся в такое время в громадных квартирах, не жалеющие поступиться даже малейшими удобствами и в ужас приходящие при слове «ребёнок». Почему ты должен три

¹ 3—4 июля в Петрограде провалился большевистский путч. Возможно, писали и о германских деньгах.

года сидеть вдали от семьи на фронте, а я — мыкаться, терзаться здесь — без прислуги, без квартиры, обивать пороги прачек, чтобы выслушать их высокомерный отказ? Разве мы с тобой паразиты? Почему же такая тяжесть выпала на нас. Почему Скворцова ничем не поступилась ни ради войны, ни ради революции? Почему Мария Леонидовна Розанова преблагополучно сидит с мужем в Одессе с марта месяца и наслаждается морем? Пусть я не имею права на блага, а Ириночка, моя дочка — за что она лишена этого?

Горький, горький осадок остаётся на душе, когда возвращаешься домой после бесплодного искания комнат, точно все люди — враги и не хотят понять твоего безвыходного положения. Я лично ничего не имею против выезда из Москвы, но для тебя это невозможно, ведь ты должен учиться, строить свою будущую жизнь.

Писем от тебя нет, получила только перевод¹. Настроение ужасное. Одно только желание — видеть тебя скорее, мой милый, мой единственный. Ни с кем не хочется разговаривать. В самом деле, какое имеют право здесь охать и ахать здоровые мужчины? Если ты действительно страдаешь за родину, то иди на фронт, там проявляй своё мужество и отвагу. Я думаю, что сейчас и ты потерял свой оптимизм. И как ты [был] прав, всегда сомневаясь в нашей победе...

13 июля 1917 г.

События несутся с такой огромной быстротой, а сообщение с тобой так медленно, что и не знаешь, как писать и что писать. Как будете переживать вы последние события? А мы здесь совсем ходим мрачные и растерянные. Я знаю только одно, что во всей этой катастрофе виноват тыл, а не армия, и не тылу судить и рядить о позоре армии...

Одно меня только удивляет, что несмотря ни на что, люди всё ещё не прозрели, всё ещё слышен их жалкий лепет о продолжении войны, об обязательствах к союзникам.

Теперь во всём виноваты большевики, а разве они имели бы успех, если бы почва была не так удобна? Посмотрим, что будет дальше.

Сегодня моя девочка встретила меня, держа в ручонках целых три твоих письма. Держала так цепко, что я с трудом их освободила. На неё не действуют события, она весела, визжит и хохочет от удовольствия, что мама с ней играет. Господи, когда же ты её увидишь? Теперь, в связи с отступлением, опять не дожидаться от тебя писем. Как тяжело... <...>

Да, хорошо мы сделали, что не поехали; июль стоит дождливый и холодный, мы бы там совсем замёрзли. А что касается меня, то я поправлюсь, когда кончится война, когда мы заживём с тобой вместе. Разве можно сейчас отдыхать?

Получила сегодня деньги и купила одну сажень дров = 95 руб. Это пойдёт в уплату долга, ведь я получила квартиру с 3 сажнями дров, следовательно, и мне нужно возвратить квартиру в таком же виде. Проклятые деньги, как они бегут; а в последнее время нет, к несчастью, частной практики.

Ты недоумеваешь, какая бонна у меня по счёту. Всего первая, ведь Лиду я брала временно, только до приезда настоящей. Сегодня неприятная новость:

¹ В конце июня Фр.Оск. был серьёзно болен не вполне ясной инфекцией. Телеграммы не принимали.

приют Швецовой окончательно ликвидируется, Маргарита Альфредовна в полном унынии, жаль мне её. Она так хотела ко мне, сейчас же — неудобно, ведь Христина Ивановна тоже очень славная. Очень жаль мне приюта, такая хорошая атмосфера была там, прямо отдыхала душой я, да и заработок всё-таки был.

Поместила публикацию в «Русских Ведомостях» относительно комнат; объявление появится в воскресенье; не знаю, что из этого выйдет.

14 июля 1917 г.

Государственные дела не останавливают личных. Что буду делать с квартирой, где и как проживём эту зиму? Где возьмём денег? Одна надежда на заём у Вилли. Бегала сегодня смотреть три комнаты, антресоли, возможно, что в конце концов их удастся заполучить, но боюсь ужасно заморозить в них Иринку. [Описание квартиры]. Хозяева сдают эту квартиру, конечно, без всяких ручательств, просят за неё 85 рублей в месяц. Сдадут ли они мне, я не знаю; всё просят зайти потом. Если считать, что 1 сажень дров пойдёт в месяц, то и тогда квартира обойдётся в 185 руб.

Как мы будем жить, Ёжик? Страшно и то, будут ли зимой дрова; усиленно толкуют о недостатке топлива. А запастись сейчас не могу, так как я не знаю, сдадут ли мне эту квартиру.

Получила твои деньги и усиленно запасаю Иринке на зиму всё тёплое. <...> Ведь говорят о возможности страшного холода зимой. Бегаю целые дни в поисках за квартирой и всеми тёплыми вещами. Хотела купить Ириночке эмалированную кастрюльку для каши, но пока поиски напрасны — в настоящее время в Москве ничего нет.

15 июля 1917 г.

Уже 4-й год переваливает проклятая война. Какой ужас! Я никогда не осмелюсь винить армию за последнее поражение... В Морозовской больнице полный разгром: на чистой квартире двое больны дизентерией, на заразной остались двое: Лидия Викторовна и Мар.Ив. Последняя больна сейчас острым нефритом, лежит в 1-й терапии, помогает Лидии Вик. в работе и дежурстве. <...> Александра Дмитриевна получила призывной лист, но сейчас она в отпуску. Призвана из амбулатории ещё одна женщина-врач. Являются к воинскому начальнику, а что дальше будет, неизвестно. <...>

Я всё-таки не понимаю, почему прекратились отпуски. Ведь отпуски поддерживают дух, а не наоборот.

18 июля 1917 г.

Наше отступление на юге не может не отразиться и на вашем фронте. До получения известий от тебя ничего, ничего не хочется делать... <...> Был сегодня утром Вилли, но, к сожалению, не дождался меня, повидал только Ириночку. Взял её на руки, поласкал, всё спрашивал, что ей купить. Просил написать твой адрес.

Нашла себе помещение на зиму. Только не знаю, как буду сводить концы с концами; надеюсь только осенью подыскать себе ещё работу.

На Плющихе одна дама передаёт квартиру на год со всей обстановкой — 200 рублей в месяц. Квартира состоит из трёх комнат (одна и передняя в то же время). Комнаты большие, обстановка приличная, газовая плита, ванна и паровое отопление. 50 рублей обещает платить Соня, она получает теперь 150 руб. Так что с меня придётся 150 рублей. Дешевле сейчас ничего не найдёшь. Я всё ждала тебя, чтоб хоть немного рассеять все свои сомнения, но обстоятельства складываются всё хуже и хуже. Обстановку свою опять потащу с собой, хотя теперь перевозиться будет дорого.

Ты будешь с горечью думать, что мы будем пользоваться всеми удобствами, а ты — для нас добывать деньги. Знай, мой милый, что для меня сейчас нет ни в чём радости, и всё то, что я делаю, делаю для Иринки. Она у меня уже есть кашку. Добрая душа Маргарита Альфредовна поделилась с нами.

20 июля 1917 г.

Сегодня получила твои письма от 8 и 9 июля. Для меня явилось полной неожиданностью, что ты *продолжаешь поправляться*. Что с тобой? Почему никто из твоих товарищей мне не написал, а то я от тебя имела последнее письмо от 29 июня. Я эти дни бесписемья страшно волновалась, беспокоилась, но всё же причиной молчания считала последние события. <...>

Ты очень неправ, цитируя мои слова со знаками восклицаний: «Я (!) буду работать, пока окончательно не свалюсь» и т. д. и упрекая меня в излишней гордости, красивых словах и т. д. Я только потому писала, что ты упорно советовал мне всё бросить и уехать. А почему везде и всюду я говорю только о себе, очень просто — ведь ты при всём своём желании не можешь ни изменить своего положения, ни зарабатывать больше того, что платит военное ведомство. Ты *тахітут* отдаёшь нам. Следовательно, теперь, при страшно увеличивающейся дороговизне, должна бюджет пополнять я, — вот и всё. Когда мы будем оба в одинаковом положении, тогда не будет и этого разделения.

Ты бываешь тоже неправ по отношению ко мне, Ёжа. Ну, Бог с тобой... Моя совесть чиста перед тобой, несмотря на то, что твоя тяжёлая жизнь на фронте в этом отношении ставит мне тяжёлые требования. Не бывает ни одной минуты, чтоб мне кто-нибудь мог сказать, что я живу хорошо в то время, когда мой муж измучился на фронте...

Что касается моего голосования за №6, то это произошло потому, что список лиц там мне больше всего нравился; в тактике же я ни с одной партией не могу согласиться. Что же касается победоносного конца, то я в него не верила и не буду верить. И теперь я стою на той точке зрения, что всё зло происходит от войны, и её нужно как скорее кончать. А, по-видимому, она опять затягивается. К власти призываются к.-д., заговорили Пуришкевичи... Переживём, должно быть, ещё раз времена тяжёлых репрессий...

21 июля 1917 г.

Что я тебе отвечу по поводу вашего обмена? Я не пишу, потому что мне больно об этом писать. Остаётся только одно: когда я кончу кормить Ириночку (месяца через 2—3), подам заявление в военное ведомство о желании моём за-

менять тебя. Может быть, сделают исключение из российских законов, по которым с военной службы можно уйти только по болезни. Я не упускаю ни одного момента, чтобы сказать, как вы устали, как вы ждёте смены, но на это слышу от одних такой ответ: «Мы — готовы, пусть нас правительство призывает», от других: «Почему именно менять врачей, ведь офицеры же остаются без смены». В общем же, положение таково: несколько врачей-женщин получили призывные листки, но до сих пор не получили назначения. Мужчины же, в том числе и Николай Иванович, остаются на местах. Больше всех меня возмущает Николай Иванович своим эгоизмом и благодушием. <...>

Не платят нам жалованье из Управы, а мне так нужны деньги. И когда дадут деньги, неизвестно.

Сегодня встретила М.А. [Марию Андреевну, старшую сестру] из дифтерита; первый вопрос: «Где доктор Краузе?», потом перешла на меня и сказала, что меня совсем нельзя узнать. Должно быть, стала выжатый лимон.

22 июля 1917 г.

Получила твоё письмо — отклик на Тарнопольский прорыв¹. И ты теперь стал пессимистом, и ты повторяешь, что тяжело жить. Все чувства и мысли под каким-то гнётом, боишься раскрывать газету. Сейчас меня ужасно злит упорство к.-д. Вдруг стали они какими-то упорными доктринёрами... Болит за тебя душа. Где вы и как выберетесь из проклятой Румынии.

Ты пишешь, что опять чувствуешь себя только гражданином. В этом твоё счастье, так как ты избегаешь в этот момент ещё одного страха — заботы об Ириночке. Я не могу ни на одну минуту отрешиться от мысли о ней и о тебе. Очевидно, такой удел матери и жены. <...>

А мы из твоего приезда решили устроить настоящий праздник. Я, как крот, тащила в свою норку для тебя; в холоде у меня лежат три плитки шоколада, половину месяца решили пить чай без сахара, чтоб сварить для тебя варенье.

Да, пиши мне на Морозовскую больницу, так как в начале августа мы должны переехать отсюда на Плющиху. С ужасом думаю об этом переезде: и дорога, и трудно вдвоём с Христиной Ивановной. Жаль этой местности, жаль двора, здесь всё так просто и хорошие люди живут. Там нет дворика, а рядом с нами лазарет.

Сегодня получила письмо от мамы. Она пишет, что Карлушку вряд ли примут в Юрьев, и они колеблются, стоит ли ему подавать в Москву. Жалеют, что не могут посоветоваться с тобой. Сегодня и от своего, и от твоего имени пишу, чтоб он поступал в Москву и жил у нас. В тесноте — не в обиде, теперь приходится забыть все удобства, ведь все теперь страдают. По праздникам будет отдыхать у Вилли. Я знаю, что ты будешь согласен со мной.

Христина Ивановна давно отказалась, вернее и не имела претензии на отдельную комнату. Разместимся так: я с Иринкой, Соня с Хрис.Ив. в столовой, а Карлуша в передней, она же и кабинет.

¹ Большое летнее наступление Юго-Западного фронта, задуманное Керенским, имело лишь частичный успех в начале июля (генерал Л.Г. Корнилов) и в целом провалилось — армия уже не имела достаточных сил.

24 июля 1917 г.

...А текущие дела не ждут: надо перебираться на квартиру, надо искать прислугу, прачку и т. д. и т. д. Получили жалованье: частью — деньгами, частью — купонами. Получила я около 300 рублей, так как в нынешнем месяце все городские служащие получили на 100 рублей больше, независимо от занимаемой должности. Как странно: здесь оклады растут, а вам платят всё то же, как будто вы и семьи ваши живёте в других условиях и им неизвестна дороговизна жизни.

Очень была бы я рада, если бы мне удалось остаться на городской службе и дольше, постараюсь в сентябре устроиться во Владимирской больнице.

[25 июля 1917 г. Большое письмо о своей измученности и оскорбительном мужском непонимании тягот жизни в тылу. Любые упрёки в свой адрес Ал.Ив. решительно отменяет: «Говори что хочешь: я вне упрёков».]

26 июля 1917 г.

Всё хуже и хуже вести с Румынского фронта, всё тяжелее и тяжелее на душе. И это в июле, который казался мне праздником встречи. Чего теперь ждать? Смены? Призванные врачи все сидят по местам. Военский начальник говорит, что назначение их последует не скоро. Тебе адски тяжело, и мне тоже. [*Призыв поддерживать друг друга.*] <...>

Какая пакостная Англия, какой нудный Милюков и вообще, какие мы, русские, страшные люди. Отечество в опасности, кругом развал, а кадеты начинают свои речи с самовосхваления, культурные люди порочат друг друга. Уже теперь каждый норовит в каждом найти сучок.

29 июля 1917 г.

Вчера я не писала тебе, целый день лежала, даже не в состоянии было идти в больницу. Теперь имею представление, что такое *холера*. Сегодня чувствую ужасную слабость. Совсем расклеилась я в последнее время. <...>

Всё время думаю о тебе — где ты, как сильно вы отстаёте. Мучусь, что могу огорчить тебя письмом, где так экспансивно отвечаю тебе на слова, что мы здесь не понимаем вас [*там*]. Пусть это касается других, но не меня, Ёжик. <...> Ведь призыв врачей сейчас какая-то тоскливая комедия: много врачей-женщин получили призывные листы, и все сидят здесь, а мужчин почему-то и совсем берегут от призыва. Из морозовцев, по-видимому, никто не пойдёт.

Все там разболелись: у Марии Ив. нефритис, у Лидии Викт. — appendicitis, у Екат.Вл. — paraneфритис и все три лежат. Работают из старых только Над.Ив. и Ив.Мих, да двое совсем новых. Я пока всё в амбулатории.

Лазарет закрылся совсем. Очевидно, он и открывался только для того, чтобы испортить мне существование: Николай Иванович пока в отпуску, но Ник.Ник. обещал ему место в амбулатории. Очевидно, для него нарочно создаёт такое, так как ведь свободных вакансий нет.

Вчера был у меня Александр Акимович, подробно спрашивал о тебе, только я с трудом ему могла рассказать о тебе: чувствую, что голос срывается, и в глазах стоят слёзы...

30 июля 1917 г.

Я сегодня еду на трамвае и удивлённо рассматриваю гуляющую публику или негодую на толпу, чающую попасть в синематограф. Душа моя не принимает ничего подобного.

Так же как ты, имею неприязненное чувство по отношению сидящих здесь товарищей...

Я сегодня в больнице встретила с Сергеем Ивановичем Преображенским. Он был в Румынии, заболел там пневмонией и эвакуирован сюда. По выздоровлении он подал рапорт о переводе сюда, но вот прошло 2 месяца, а ответа ему ещё нет. «А пока я не получу ответа, я никуда не поеду». Долго говорили относительно [обмена] врачей. Причину такой медлительности он видит отчасти в тыловых товарищах, не спешащих и страдающих так же, как все, отсутствием национального долга, отчасти — в общей разрухе. Он был на Петроградском съезде в качестве делегата и рассказывает, что два первых дня прошло буквально в ожесточённой словесной схватке между тыловиками и фронтовыми товарищами... Лично он не без некоторой тяжести идёт в Морозовскую больницу. Ему неприятно встречаться с товарищами.

Давно ни слышу, ни духу от Васи. Ведь он был в Тисменице [близ Ивано-Франковска]; где-то он?

Витюшка — близ Риги. Предлагали ему поехать поучиться в Академии, но он не захотел сейчас оставить фронт, так как хорошие [у него] отношения с солдатами.

Получила вчера письмо от Лени. Она очень беспокоится, как мы живём, так как приезжающие из Москвы рассказывают им ужасы. Мама пишет, что она с удовольствием бы приютила нас с Ириночкой.

Ириночка моя загорела, хорошо стоит на ножках, но ещё не сидит. Стала ужасная проказница. <...> «Русские Ведомости» тебе завтра выпишу. Сегодня ездила на частную практику по просьбе Ник.Ник. Вильяма. Чувствую себя лучше.

31 июля 1917 г.

Получила три письма от тебя. Ты пишешь, что ты теперь злой. Это вполне понятно. Я бы тоже как ты реагировала на письмо Эдит. И я несколько не сомневаюсь, что это пройдёт, как только ты очутишься у себя дома.

Удивляет меня в тебе, Ёжик, вера в русский народ, удивляет меня твоё поразительно хорошее отношение к нему. Ни одним словом жалобы не обмолвился ты на солдат; ведь я не думаю, чтобы они у вас были другие. Ведь мы здесь порой изрыгаем целый поток злобы на товарищей. Ведь только нужно послушать Бориса Абрамовича, с какой ему свойственной презрительностью относится он к нижним служащим и к солдатам.

Очень рада. Ёжик, что ты считаешь тоже Ленина честным человеком. Твоя ясность взглядов и отсутствие даже тени предвзятости в ту или другую сторону меня удивляет и трогает. Побольше бы людей с такими взглядами, и мы вышли бы из какой угодно разрухи.

В Морозовской больнице новость: директор уезжает из своей квартиры на частную, а там будут помещаться заразные ассистенты и фельдшерицы. Причи-

ны: желание дать отдых семье и поставить её вне каких-либо могущих быть эксцессов. Возвращался он сегодня со мною и разговорился совсем по-хорошему: говорил, что хотел совсем бросить службу, да сейчас не время. Говорил о том, что он совсем не может видеть того, что делается сейчас в больнице, и, съезжая на частную квартиру, он хоть после 2 часов будет отдыхать. Квартиру он искал почти полгода и нашёл только благодаря большому знакомству в доме Карзинкина в Столешниковом переулке. Вот так, мой милый!

Во вторник думаем переезжать. На перевозку и кое-какие покупки вроде кровати и шкафа Иринке придётся истратить почти все сбережения. Ну, будь что будет! Лишь бы ты осенью возвратился.

На днях высылаю посылку: почтовую бумагу и несколько шоколадок.

1 августа 1917 г.

Ириночка растёт, но зубов ещё нет, что меня уже несколько беспокоит. Как-никак, а рахитик всё-таки есть. Удивительно на тебя похожа: суровый твой взгляд, прелестная улыбка, изменяющая всё лицо, сияющие лучистые глазки, белые волосы с большими лысинками наперед и нависшие брови. Моего, говорят, ничего нет, можно усумниться, что она — моя дочь. Очень любит, когда ей поют. С удовольствием будет слушать твой свист.

«Русские Ведомости» я тебе выписала на следующие два месяца. Неужели и к этому времени ты не вернёшься в Москву? С ужасом все ждём предстоящей зимы. Выписываю из Вичуги лампу-молнию, чтоб хоть немножко ею нагреть комнату, где будет помещаться Иринка.

Только бы ты был здесь, тогда бы как-нибудь прожили.

8 августа 1917 г.

Пишу тебе после ужасающего дня и из чужой квартиры, где нас приютили добрые люди.

Дело было так: в воскресенье я позвонила на новую квартиру, что приеду 8-го, — ответили согласием. Сегодня с утра в больницу не пошла, стала заниматься уборкой. Было невозможно тяжело, так как мы с Христиной Ивановной были только вдвоём. Ириночка, чувствуя общую разруху, капризничала. Наконец вещи уложили в фургон и поехали. Я решила покормить Иринку и бежать принимать вещи. Вид у меня был смущённый, расстроенный. Она смотрит на меня и плачет, да плачет прямо с визгом, и грудь не желает брать. Возьмёт Христина Ивановна на руки — успокоится, на меня посмотрит — сразу заплачет. Бились мы, бились с ней, так грудь и не желает брать.

Совсем голодная, расстроенная побежала я на квартиру. И что же ты думаешь? — там хозяйка заболела рожей, а известить меня не смогла, так как не знала моего адреса. Везти Ириночку к рожистой больной невозможно. Взяла я кое-какие вещи и поехала назад. Хорошо ещё, что Ириночка осталась на дворе старом. Сейчас нас приютили соседи по двору, а вещи все остались там.

Приезжаю домой, и опять та же история — дочь не желает признавать и груди не берёт. Ну, ты посмотри, какая интеллигентная девочка: вид мамы не нравится, и есть она не желает. Можешь представить моё самочувствие, Ёжа. Мне иной раз казалось, что я больше ни минуты не могу прожить: волнуюсь за

тебя, за девочку и, наконец, вся эта перевозка стоит громадных денег, и я скоро останусь без копейки. Нет больше сил! Когда всему этому конец?

А с девочкой я так и не смогла сладить весь вечер. У Христины Ивановны покойна, а как взглянет на меня, начинает плакать и грудь не берёт. Окружающие говорят, что у меня был ужасный вид. А её слёзы совсем меня измучили. <...>

А в народе опять какая-то вакханалия, нет и проблеска сознательности. Начинаю ненавидеть народ русский и думаю, что хуже его нет на белом свете. Сегодня были хорошие возчики, содравшие с меня 20 рублей «на чай». Противно ещё и воровство. Постирала прачка — исчезли серебряные ложки. Не денег жаль мне. Уж очень противно всё это...

14 августа 1917 г.

Сегодня получила письмо, где ты пишешь, что Сергей Михайлович [Щастный] надеется устроить тебя в Москву. Я боюсь слишком верить в это, но уж и одна маленькая надежда осветила ярким лучом радости последние тяжёлые дни. В первый раз сегодня <...> я почувствовала радость, надежду, жажду жизни.

Ты пишешь, что тебя мало интересует, сколько ты будешь получать жалованья. Конечно, милый, ведь я-то в состоянии буду работать. Вот только что, на днях Михаил Алексеевич Скворцов предложил мне работать у Кедровского. Я согласилась на это после окончания работы в больнице.

16 августа 1917 г.

Когда-то ты писал о том, что ты — бывший человек в медицине, а я себя считаю вообще бывшим человеком. Давно уж я не испытала ни свежести мысли, ни бодрости духа, ни радости работы. В голове — пустота, в теле — тяжесть Заботы о хлебе стоят на первом месте. <...>

Живу всё ещё на бивуаках, и неизвестно, когда поедем на новую квартиру! Дама всё болеет, болеет... Адрес её такой: Плющиха, 7-й Ростовский пер., дом 12, кв. 27, но у меня нет ещё уверенности, что меня не выставят из квартиры совсем.

Временами чувствуешь апатию, а временами душа болит с такой интенсивностью, что хочется кричать и биться о стенку.

19 августа 1917 г.

В Румынии — прорыв; где ты сейчас, что с тобой?

Мы живём всё ещё не дома, тяжело устаю, ничего не могу сделать, совсем теряю всякую бодрость, когда бываю на Плющихе. Там люди — эгоисты, и не идут на уступки.

Забежал на днях Сергей Николаевич Розанов; он в качестве делегата от фронта приехал, на Поместный собор¹. Ругает отчаянно всех тыловых врачей. Надеется теперь надолго остаться в Москве.

¹ 15 августа 1917 г. в Москве торжественно открылся Собор Российской православной церкви, восстановивший, в частности, патриаршество в России. Среди более 500 членов Собора был врач от армии Румынского фронта С.Н. Розанов.

Понемногу все морозовцы перебираются в Москву, только ты, [Никифор Николаевич] Блажко и Молодёнков всё ещё сидите на фронте; те хоть чаще бывают в отпуску, чем ты.

Получила сегодня письмо от Васи. Слава Богу, цел и невредим, только устал ужасно в непрерывном отступлении. Тоже мечтает о смене... Витя ничего не пишет.

Третий день работаю в терапевтическом отделении на правах ординатора. Хорошо. Только я стала никуда не годный врач, домашние заботы не дают покоя. <...>

Была сегодня Екатерина Ивановна. Ириночку нашла загоревшей и здоровенькой. Тоже признаёт большое сходство с тобой. А Сергей Николаевич так прямо назвал её Фридрихом Оскаровичем.

21 августа 1917 г.

Когда же всему этому конец?..

Рига почти сдана...[*Рига сдана немцам 21 августа*]. Кроме скорби гражданской, ещё тяжесть от потери связи с родными. Я сама не думала, что такой болью отзовется отрезанность от них... Сознание, что есть человек как мать, всегда готовый помочь и понять, давало бодрость. Только сегодня я получила от неё письмо, где она пишет, что о сдаче Риги никто не думает. Она отвечает на карточку Иринки, которая доставила ей большую радость. «Она такая хорошенькая и толстенькая, и так похожа на папу»... <...> А обо мне пишет, что я ей такая милая дочь стала, которая всегда думает, чем бы её порадовать.

Бедный Витюшка, что с ним? Может быть, уже нет его в живых. Ведь нет сил больше переносить весь этот ужас. Вся вконец измученная, притихшая от непосильного страдания, я живу только ради Иринки. Ей я нужна. Я жду тебя всё с большим нетерпением. <...> Жду тебя для совместного страдания. <...>

Вот видишь, самое главное не написала; недостаток хлеба на Юго-Западном фронте не даёт мне покоя...

Относительно дальнейшей моей работы в смысле усиления финансов очень безнадежно, так как сейчас всё культурное рушится; скоро начнётся интеллигентская безработица. Вот и то думаю, не поступить ли мне в швейцары. Вчера только был сбор в пользу их. Я одна только отдала 5 рублей, а всего здесь 70 квартир; смущает только их квартира.

Ты веришь в будущее России, благо тебе, а я нет и нет. Демократическое совещание ещё раз убедило меня в этом¹. Мы — рабы, хамы и только. Духа в нас нет.

Нет, лучше не говорить...

Относительно квартирных денег. Была я недавно опять в Крутицких казармах, говорила с полковником, приносила необходимые справки, что ты служил до войны в Морозовской больнице и что призван по Москве. Он признал моё ходатайство правильным и дал распоряжение выдать мне аттестат. Ждала целых 4 часа; смотрю, выдали всего 60 рублей. Опять иду к полковнику извиняюсь, что

¹ Государственное совещание под председательством А.Ф. Керенского проходило 12—15 августа 1917 г. (ст.ст.) в Москве. Участвовало около 2500 делегатов.

опять его беспокою. Он отвечает, что со мной приятно разговаривать, так как я очень покойна, и находит, что я опять права, так как мне выдали как жене младшего офицера, а не врача. Но всё же прежде, чем мне выдать [другой аттестат], решил снестись со своим начальством, так как остался неудовлетворённым бумагой от корпусного врача и попросил меня подождать месяца два. Всё это напутал офицер, дававший раньше, до подполковника, распоряжения.

Вообще прихожу к тому заключению, что за себя получать приятнее, чем за мужа. Не сердись, Ёжик, ведь всё равно меня не исправишь. Вот когда ты приедешь, соберём семейный совет с участием Вилли о дальнейшей судьбе, тогда я обязуюсь во всём подчиняться ему, а пока я всё-таки предоставлена самой себе и должна всё решать единолично.

Относительно наших. Аня застряла в Костроме, о дальнейших планах не знаю. С Соней и Лизой вижу редко. Последняя чуть-чуть не сделалась недавно жертвой случайной пули у себя во дворе, на ней оказалась прострелянной юбка в двух местах, и пальто.

Ну, пока, надо идти в лабораторию.

Девочка превосходно поехала гулять. Вчера я их проводила на Девичье Поле, они гуляли, пока я была в лаборатории, а потом опять захватила их.

С Христиной Ивановной вполне удовлетворительные отношения, хотя я частенько возмущаюсь её непрактичностью и транжирством. Очевидно, судьба нашего дома такова.

28 августа 1917 г.

Не нахожу слов и выражений, чтоб передать всё, что волнует. <...> Не могла ещё переварить взятие Риги и потерю связи со своими, как сейчас налетело ещё более ужасное событие¹. Чем всё это кончится? Ясно, кажется, одно: война скоро кончится, мы заключим сепаратный мир. Война доведена «до победного конца»... Боже! Как невыразимо тяжело жить!..

Переселились, наконец, на новую квартиру. Не совсем-то она мне по душе: солнца нет, холодно, но — ничего не поделаешь. Как-то Ириночка перенесёт эту зиму?

Всё ещё кормлю её грудью, беру молоко только на кашу. Не знаю, как будут обстоять дела дальше, ведь наступает здесь форменный голод, и хлеба нам не хватает.

Только ты к нам скорее вернулся. Мы совсем близко живём к Брянскому вокзалу. Повторю ещё раз на всякий случай адрес: 7-й Ростовский пер., д. 12, кв. 27.

Твоя Шура. От Вити нет известий.

31 августа 1917 г.

Опять... не писала. Не могу. Как в тисках каких и мысль, и душа. <...> Одно могу сказать: засыпаю и просыпаюсь с одной мыслью — чем кормить Христину Ивановну и прислугу (она существует несколько дней), и как свести концы с концами.

¹ Начало «Корниловского мятежа».

С 15 сентября начинаю работать в Кедровской лаборатории и на курсах. Ну, заработаю 300 рублей, 300 рублей твои, и всё-таки этого мало. Квартира ведь только 200 рублей. <...>

Слушай, мой милый Ёжик, если тебе невозможно перевестись в Москву, устройся где-нибудь в тылу на юге. Я пошлю туда к тебе Ириночку и Христину Ивановну. Девочке будет тепло и хорошо с тобой, а я буду здесь работать вовсю, жить в комнате, а все деньги отсылать вам, чтобы вы ни в чём не страдали. Ну не всё ли равно, насколько меня хватит, лишь бы девочке устоять в эти тяжёлые годы. Впрочем, я не знаю, стоит ли и её так упорно ставить жизненный путь. Что впереди?

15 сентября 1917 г.

Мой дорогой Ёжик! Давно не писала тебе, не могла... Самочувствие таково, что если бы не было Иринки, то я кончила бы самоубийством. Она, наша милая девочка, единственная радость и утешение. В её улыбке, в её беззаботном прыганье я находила в эти дни необходимую для жизни бодрость. Что с нами будет, если ты ещё долго не вернёшься к нам?

Какие у меня основания? Но я тебя жду каждый день. Последней неприятностью, убившей меня окончательно, была неудача с лабораторией. <...> В последнее время количество анализов так упало, что приглашение нового сотрудника оказалось излишним, и я оказалась за бортом. Теперь я всего имею только около 125 рублей в месяц. Как жить, не знаю, тем более что надо принимать во внимание требовательность прислуги и широкий размах Христины Ивановны. Сколько энергии нужно, чтобы постоянно им напоминать об экономии электричества и газа, не говоря уж обо всём прочем.

И найти сейчас работу крайне трудно, в Морозовской же больнице я сегодня кончила. Жду тебя, чтобы окончательно выяснить вопрос об отъезде моём из Москвы в провинцию. Спасибо, меня сегодня ободрил Вилли, предлагая свою помощь. Конечно, я всячески буду стараться ею не пользоваться, но уже сознание, что я могу в критическую минуту обратиться к нему, даёт утешение.

Вообще он был сегодня очень мил. Иринкой остался очень доволен и так нежно прощался с ней, что я прямо была умилена. Я ему, в свою очередь, поручила Иринку, если с нами что-то случится, с тем, чтобы по окончании войны он её перевёз к бабушке. Он, конечно, охотно согласился. Вообще, наши отношения после каждой встречи крепнут.

Взгляд упал на Витину карточку, и опять всё заняло, заняло. Ведь уж очень славный мальчик¹...

От тебя за то время я получила несколько писем. Относительно своих Вилли просил тебе передать, что он имеет сведения из Риги от 1 часа дня 21 августа, что всё там [было] благополучно.

Посылка тебе послана. В ней сухари, пряники, шоколад и бумага.

¹ Виктор, младший брат А.И., застрелился в дни захвата немцами Риги. Письмо с сообщением об этом в подборке отсутствует.

21 сентября 1917 г.

Я так виновата перед тобой, что мало и редко пишу, но право же, милый, совсем не могла. Теперь только пришла в состояние политического равнодушия и махнула на всё рукой, — погибать, так погибать, без голов мы, всё-таки, Ёжа, надо в этом сознаться. Ведь, право, стыдно читать о Демократическом совещании¹. Так же стала равнодушна к своему финансовому кризису; месяца три как-нибудь пробьюсь, а потом плюну на всё и уйду на первое попавшееся место.

В последних письмах ты спрашивал, как живём, чем питаемся и т. д. Постараюсь ответить тебе по возможности полно, но не знаю, смогу ли это.

15 сентября кончила занятия в Морозовской больнице и сейчас пока хожу только в бактериологическую лабораторию на [Высших женских] курсах, где начнутся занятия послезавтра. Следовало бы подготовиться к урокам гигиены в Петропавловской женской гимназии, куда меня ввёл Николай Николаевич Вильям, но пока что ум мой туго воспринимает умные книги. Может быть, сейчас поможет равнодушие. Первый урок там я даю после 1-го октября. В смысле материальном я там получу гроши — 130 рублей в год, — беру только из-за интереса. Занята там я два часа в неделю. Почти каждый день придётся забегать в лабораторию на курсы, чтоб подготовиться материал к занятиям.

С 1 октября опять думаю ходить в Морозовскую больницу, в хирургическое отделение. Выбираю опять эту больницу, а не клинику только потому, что всё равно прислугу приходится посылать туда каждое утро за молоком Ириночке и себе. Занимаясь там, я сохраню её [прислуги] время для другой работы.

Относительно питания Ириночки пока обстоит благополучно: она утром получает грудь, в 11 часов кашку, в 3 часа — опять грудь, в 5 часов — печёное яблочко, в 7 часов — молоко и в 11 часов — снова грудь. Раньше получала по совету Екатерины Ивановны вместо молока муку Нестле, но теперь пришлось отказаться, так как фунт стоит 12 рублей, и его хватает на неделю. Одно яблоко стоит теперь 30—35 копеек. Манной крупы для Ириночки благодаря товарищам и Оле хватит на несколько месяцев.

Чем питаемся мы? Если иметь много денег, то можно питаться совсем недурно, но вся беда в том, что постоянно приходится урезывать себя. Мяса можно достать: телятину по 2 р.70 коп. за фунт; есть рыба — по 3 р.70 коп. за фунт, даже на вокзалах продают крупу пшеничную за 1 руб. фунт. Умные люди говорят, что за деньги с чёрного хода всё можно достать, но, само собой разумеется, эти способы добывать и самые продукты — не для меня. Что я позволяю себе, — собственно, для Христины Ивановны и прислуги — это кофе с молоком утром. Молоко, как я уже тебе писала, беру из Морозовской больницы, отдельно для Иринки и для себя. Обедаем, что найдём; чаще всего суп из зелени: моркови, репы, свёклы с приправой молоком. На второе — каша из перловой крупы (есть немножко) или картофель (его можно найти не всегда по 35 коп. за фунт). До-

¹ Всероссийское демократическое совещание в противовес Московскому (более левое) проводилось в Петрограде 14—22 сентября. Участвовало более 1500 делегатов. Попытка создания однородного демократического руководства взамен коалиционного провалилась из-за большой пестроты мнений.

станем по карточкам макароны или мяса, тогда совсем хорошо. Масла коровьего нет, подправляем всё хлопковым (1 руб.80 коп. за фунт). На ужин делаем салат из овощей, которые варились в супе, и селёдку (70—80 коп. штука). Теперь, как видишь, ещё можно жить, но что будет дальше, не знаю.

Ириночку долго не отниму от груди (боюсь каждую минуту остаться без молока). Сама я физически стала немножко крепче, очевидно, сиденье дома и тупое равнодушие ко всему действуют в этом смысле хорошо.

Ириночка растёт, стала только бледнее, может быть, оттого, что сейчас кашляет и чихает. Особенно горько мне отказывать ей; отказывать не столько из-за средств, сколько из-за «нет»: целые два дня металась по городу — хотела купить ей тёплые чулочки и башмачки, так и не нашла. Придётся как-нибудь «творить» самим. Так же творю ей и кровать, которая обойдётся в 40—50 рублей, а купить готовую — 200—300 р. Горюю очень, что не из чего ей сшить бельё. С твоего согласия хочу употребить твои егерские штаны, чтоб сшить ей тёплые панталончики.

Девчонка она славная и занятная, только до сего времени без зубов. Немилосердно таскает меня за волосы, стаскивает пенсне и скачет, скачет с упоением. Сидеть может, но упорно не желает. Разговаривает не много, но иногда отчётливо выговаривает «па-па», но не «ма-ма». Ты можешь быть удовлетворённым, слово «папа» чаще встречается в нашем доме, чем «мама». Ждём тебя, чтобы окончательно решить дальнейшую нашу судьбу.

27 сентября 1917 г.

[Письмо посвящено развитию, играм Иринки и «жду тебя»].

Если бы ты, Ёжик, знал, какое удовольствие испытываешь, когда она треплет лицо своими маленькими ручками или ротиком пробует твои щёки. Вне её нет у меня радости. Вот и теперь, по окончании работы в Морозовской больнице, когда я больше времени провожу с ней, чувствую, что я отдыхаю, стала значительно поспокойнее и понемногу приобретаю снова интерес к работе и книжкам.

А вообще-то, Ёжик, трудно сейчас заниматься, масса энергии уходит на добывание хлеба в широком смысле слова. Пока ещё сыты, думаю, что и дальше можно что-то будет достать, если только будут деньги. Записалась ещё в кооперативную лавочку при курсах; там сегодня взяла 2 фунта горчичного масла.

Неужели ещё возможна будет зимняя кампания. Боже, какой ужас! Получила письмо от Васи, он переведен в Одессу. Когда же ты...

2 октября 1917 г.

Безразличие прошло, и жизнь опять стала несносна.

Ночь сегодня была прямо кошмарна: переезжала на новую квартиру, видела несколько раз Витюшку, то — мёртвого, сильно разложившегося, то — сильно страдающего и просящего пить. Такова ночь, а днём допекают мелкие житейские неприятности: то узнаёшь, что квартира сдана с больше, чем наполовину израсходованным электричеством, и нам сейчас целый месяц приходится сидеть с керосином; то Христина Ивановна по рассеянности распаяла газовую колонку в ванне, и ремонт её обойдётся в 50 рублей. Всё это мелочи, но когда карман пуст

и всячески изворачиваешься, чтоб свести концы с концами, тогда всё это приобретает важное значение.

Я прямо с ужасом думаю о будущем. Ты должен приехать, иначе у меня не хватит сил бороться за эту проклятую жизнь.

Служители на курсах получают 100 руб. в месяц, а мы, преподаватели, 80 рублей. А ведь работаем теперь много. Сегодня, например, с 9½ часов утра до 8 часов вечера с перерывом только на обед.

Мир, какой угодно ценою, только бы мир. Я иной раз с ужасом замечаю, что и я начинаю поддаваться злобе, злобе, правда, бессильной, но, тем не менее, такой же отвратительной в источнике, как и та, которая ведёт к насилию. И не хочется мне видеть никого из знакомых только потому, что им легче, лучше жить.

Кончаю письмо. Нет слов, чтобы выразить, как тяжело на душе, как я одинока, как ты далёк от всех моих переживаний. Ириночка, спаси меня от отчаяния.

В один из ближайших дней октября 1917 года в Москве появился демобилизованный Фридрих Оскарлович. Впереди, после небольшого перерыва, была его служба в Красной Армии начальником большого подвижного госпиталя во время Гражданской войны и жестоких эпидемий...